

Кира Страйк

ОСКОЛКИ ИМПЕРИИ

Шерловая искра

Кира Страйк

Шерловая искра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69395476

SelfPub; 2023

Аннотация

Разрешите представиться, Александра Шерл, "в миру", Светлана Косицкая, писательница-бытовичка. То есть, тот самый человек, который на деле ничерта не умеет, но в теории знает всё. Ну или почти всё. В недалёком прошлом – успешная переводчица со знанием пяти языков. Однако, последние пять лет я занимаюсь тем, что пишу истории про попаданцев. Понимаете, про по-па-дан-цев. А теперь представьте, какие незабываемые эмоции я испытала, когда обнаружила себя в теле юной незнакомой барышни со всеми вытекающими (по закону жанра) последствиями! Злая мачеха, навязанный муж самого чахлого образца и прочие прелести, которые мы, авторы, жуть, как любим нафантазировать. Уф-ф! Ладно, пошла причинять этому миру добро. До встречи на страницах моей новой жизни.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	50
Глава 7	57
Глава 8	64
Глава 9	71
Глава 10	78
Глава 11	84
Глава 12	91
Глава 13	100
Глава 14	107
Глава 15	113
Глава 16	120
Глава 17	127
Глава 18	135
Глава 19	143
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Кира Страйк

Шерловая искра

Глава 1

– Так, чемодан собрала, воду отключила, паспорт не забыла, планшет, зарядка... машину вызвала. – я вслух проговаривала все ключевые моменты перед отъездом, чтобы не упустить чего-нибудь важного, – Что ещё? Ну да, присядем на дорожку.

Опустившись на пуф в коридоре, обвела взглядом тихую квартиру, ловя себя на ощущении, что всё-таки что-то забыла. Сборы были стремительные – не мудрено...

– *Купальник!* – в последнюю секунду сжалилась память, – *Там же бассейн, вроде, обещали, а плавать я очень даже люблю.*

Заглянув в рекламный буклет, убедилась, что права. На красочной картинке сверкала голубым кафелем и стерильной водной гладью, поделенной на ровные дорожки, акватория дома отдыха. Вот туда я и выдвигалась.

Зазвонил телефон, искусственный голос сообщил: "К вам подъехало такси...". Не разуваясь, вернулась в комнату, нырнула в шкаф и, выудив с полки купальный костюм, сунула

его в боковой карман сумки (потом переложу). Захлопнула дверь и побежала к лифту.

Таксист – терпеливый, вежливый парень, ожидал у машины с уже открытым багажником. Перехватил мой дорогой компактный чемодан, аккуратно уложил в нутро автомобиля и даже пригласительно открыл дверцу.

– *Приятно.* – одобрительно отметила я, удобно устраиваясь на мягком сиденье, – *Первый раз пользуюсь этой службой, надо будет запомнить.*

Что поделать, числится за мной такой грешок – люблю комфорт. Вот из этой самой любви, щедро сдобренной стремлением к независимости, и тянутся корни моего одиночества.

Почти всю свою жизнь, а если быть точной, до сорока двух лет я отработала переводчицей. Кроме незаурядных способностей к языкам, с раннего детства имела ещё и страсть к оным, которую умело поддерживал и развивал мой отец – лингвист, доктор филологических наук и почти что академик. Автор научных трудов и обладатель несметного количества друзей, знакомств и связей. Он же наградил меня упёртым характером.

Мама, в противовес нам обоим обладавшая спокойным нравом, здоровым чувством юмора и на редкость крепкой психикой (а как иначе – двух деспотов в доме терпеть, любить и не сойти с ума), изо всех сил старалась смягчить результаты папиного участия в моём воспитании. Однако, как

говорят, гены пальцем не размажешь. Зато от мамочки мне досталась любовь ко всему красивому и настоящему.

Благодаря отцовской протекции, ну и, безусловно, отличному знанию пяти языков, проблем с работой у меня никогда не было. И я очень её любила. Эти бесконечные путешествия, смену картинок, новые люди, города, страны, континенты. А также и финансовая независимость, свобода действий, возможность в любую минуту сорваться с места и лететь навстречу новым впечатлениям.

Привязать себя к месту – вот, чего я боялась больше всего. От того всю жизнь береглась от беременности. Замужем побывала, но совсем недолго. Как полагается, следуя постулатам Фрейда, в супруги себе выбрала отцовскую копию. Думаю, не сложно представить, чем обернулась наша семейная жизнь. Ведь у нас в доме не было мамы, способной гасить вспышки эмоций, принимая огонь на себя, а сглаживать углы самостоятельно я к той поре ещё не научилась. В конечном счёте, так и разлетелись, как бильярдные шары, в противоположные стороны.

А потом мамы с папой не стало. Они оба погибли в одной из поездок.

Вот тогда я оглянулась на свою жизнь и оформила завещание. Всё моё движимое и недвижимое имущество по его условию отдавалось детскому дому номер восемь, в котором когда-то воспитывалась моя подруга Лена. Потому, что больше передать его было просто некому, а жизнь, как и смерть

– явления непредсказуемые.

Затем случился совершенно нелепый, но очень сложный перелом ноги, операция, долгое лечение. И я всё-таки оказалась наглухо привязанной к дому. Стрессовала жутко. И от недавней потери родителей, и от беспомощности, и от того, что понимала – выпадаю из рабочей обоймы. Перелом, по вердикту врачей, грозил навсегда оставить свой след хромотой. А в моей деятельности подобные изъяны просто недопустимы. Здесь всё должно быть красиво и безупречно.

Не помогали ни поддержка, звонки и визиты подруг, ни метания из одной методики восстановления душевного равновесия в другую. "Очень хороший психолог", втихушку, без моего ведома приглашённый Ленкой ко мне на дом, выбесил на первой же минуте общения идиотским заявлением: "Всё будет хорошо". Выгнала его вон, прыгая на одной ноге и размахивая костылём. Нервы.

Спасение пришло, откуда даже не ждала – с новым увлечением и работой. Хоть и не сразу.

В какую-то минуту просто пришло осознание, что вот это истеричное состояние – только мой личный выбор. И больше ничей. Это я загоняю себя в панику, размахиваю костылями и рыдаю в подушку вместо того, чтобы остановиться, подумать и браться осваивать новую реальность.

Да, прежний уровень красивой профессии мне больше не светит, но ведь я сломала всего лишь ногу, не голову. Мои знания никуда не делись, и даже сейчас, лёжа в койке я могу

заняться, например... да хотя бы переводами на удалёнке. Уж с голоду не помру, а дальше посмотрим.

Утерев сопли, открыла ноутбук. Вдруг, пришла совершенно очевидная в своей простоте мысль о том, что в любой момент можно позвонить папиному другу и такому же учёному червя, Александру Гавриловичу. Он, не смотря на возраст, до сих пор в профессии и точно не бросит дочку старинного товарища на произвол судьбы, найдёт возможность подкинуть заказов.

Но раз поисковик уже запущен, решила сперва всё-таки глянуть, что почём нынче на рынке труда по моему направлению. В глаза назойливо полезла реклама, мешая нормально вникнуть в текст и цифры. Через полтора часа напряжённого изучения информации с попутным бесконечным отключением всплывающих окошек, раздражённо дёрнула мышкой, промахнулась и, вместо крестика, нажала на "вкл".

Экран вспыхнул красочной картинкой.

– *Так, и что это у нас такое?* – вместо ожидаемой фотографии какой-нибудь бытовой техники или спортивного питания, с рисунка на меня улыбалась очаровательная девушка с кочергой в руках, – *Очень мило.* – я покрутила колёсико, опускаясь глазами ниже, – *Книга! И про что глаголим? С таким-то оборудованием.*

Побежала дальше по строчкам и не заметила, как зачиталась. Перебралась в кровать и до самого утра зависла в экране. Настолько оказалось переживательное чтиво – смеялась

и плакала, убегала, догоняла и выживала вместе с героиней, пока с великим сожалением не прочитала слово "Конец".

Зачем мне ваши аутотренинги, психологи и релаксации? За эти несколько часов я выхлестнула столько эмоций – хороших, добрых слёз, радости, удивления, восхищения... С этого момента книги стали моим наркотиком и душевным обезболивающим.

Идею с переводами я, конечно, не бросила – кушать-то надо. Но и чтение заняло своё законное место в ежедневном графике жизни – это, по собственной установке, был мой бонус за хорошо проделанную работу. И вот, со временем стала, вдруг, ловить себя на том, что мысленно думаю, как бы я описала тот или иной эпизод, как бы повернула событие, нарядила героиню. Всё это выливалось потом в обсуждения с девчонками.

– И вот чего ты без толку фантазируешь? – как-то не выдержала моя любимая обаятельная пышечка Ленка, уплетая пирожное, – Возьми, да напиши сама.

– Кто? Я? – в первую минуту затея показалась просто невозможной.

– Да-да, ты. Я абсолютно серьёзно. – убеждённо кивая головой, заявила она, – С твоим-то образованием и багажом реальных приключений – грех не попробовать. Да не пугайся ты так. – она аж перестала жевать и отложила лакомство на тарелку, – Не боги горшки обжигают!

Вот это её "Не боги горшки обжигают", я повторяла себе

ежечасно, как молитву, когда писалась моя первая история. Не сразу решилась на этот шаг, только тогда, когда поняла, что Ленкина идея меня больше не отпустит. Она уже просто горела во мне, жгла и не давала спокойно спать. В итоге, через неделю сомнений и метаний не выдержала, всё-таки "взялась за перо".

Когда подругам было оглашено, что книга сегодня запускается в публикацию, в дом набежала вся шумная компания. И Ирка, и Наташка, ещё одна Наташка, Маня, ну и, конечно, Ленуся.

– Девчонки, не надо было. Мне и так страшно, вдруг провал. Так бы хоть в одиночестве свой позор пережила, а к публичному поражению я что-то совершенно не готова.

– Не правильная установка. – категорично заявила одна из Наташ, – Не дрейфь. Вот я, например, вообще нисколько не сомневаюсь в твоём успехе.

– Да! Мы просто обязаны были присутствовать при этом историческом моменте. – подхватила вторая, – День триумфа дорогой подруги.

– Божечки, тётки, вы вообще о чём? Какой триумф? Слова-то какие нашли. Я – маленький, зелёный новичок. Так быстро триумфов не бывает. – бормотала я, надеясь хоть немного умерить этот неудержимый поток энтузиазма, но меня никто не слушал.

А, нет, слушал.

– Но момент-то исторический?! – резонно заметила Лена,

выставляя на стол большую коробку из своей любимой кондитерки (при этом в пакете в другой руке что-то многозначительно дзынькнуло).

Исторический – факт. Не поспоришь.

Торжественно распечатали торт, и под дружный обратный отсчёт я нажала заветную кнопку.

Как же отчаянно я тогда трусила. Как волнительно было обновлять страницу и видеть, что люди забирают книгу в библиотеку, а число подписавшихся на автора читателей растёт. Автора? Это я? Неужели и вправду моя писанина кому-то показалась интересной? Каждому-каждому этому неизвестному человеку я сейчас всей душой посылала "спасибо".

– Ну! И чего ревём? – Лена обняла меня за плечи и блестящими глазами посмотрела в мои, – Светик... Пардоньте, Александра Шерл, ответственно заявляю вам, что это – успех. Слушай, а почему именно Шерл?

– Мой талисман. – я достала из-под блузки кулон с непроглядно-чёрным камнем, – От бабушки достался.

С того памятного дня прошло уже пять лет. Переводы постепенно отошли на второй план, а затем и вовсе сошли на нет. Много было историй создано, горы информации перелопачены, и теперь я с полной уверенностью могла называть себя человеком, который ничерта не умеет, но зато в теории – знает всё. Ну или почти всё. Ибо читано-писано.

Теперь вот, в кои-то веки, еду на заслуженный отдых.

Честно говоря, в эту поездку я совершенно не собиралась, попала нежданно и по благу.

Неделю назад мы с Катериной (для всех остальных – Катериной Ивановной Гольц) в "Монархе" отмечали удачное завершение новой книги. Дело в том, что прототипом главной героини моего последнего опуса как раз и была эта яркая, пышущая жизненной энергией брюнетка.

В роман она угодила, что называется, на спор. Вообще-то, я не очень люблю говорить о своей писательской деятельности, но тут, как говорится, нашла коса на камень. На Ленкиных именинах в ресторане за общим столом обнаружился один товарищ, весьма скептически настроенный на дамское творчество. Кого уж чёрт дёрнул за язык проболтаться о моей профессии – не знаю, но мужика зацепило и понесло.

– И что, это работа? – оттопырив нижнюю губу, захмелевший гость водил перед собой фужером с коньяком, – Это разве литература?

Все споры насчёт объективной полезности моего труда давно уже, вроде, перестали волновать нервы. Доказывать, что людям иногда необходимо греть душу добрыми сказками даже во взрослом возрасте – совершенно не собиралась. Несколько раз пыталась соскользнуть с темы, но настырный собеседник вцепился в меня, как чесоточный клещ. В общем, вопреки годами сознательно выработанной сдержанности, я начинала конкретно закипать.

– Пональёте розовых соплей, и разма-а-зываете. – доводя

до белого каления не только меня, но и невольных свидетелей, распаялся тот, – А ещё салфеточки вяжете и миллионы лопатой гребёте. А ты попробуй из ничего сделать всё! А? Да вот хотя бы без этих ваших бабских рукоделий.

Заткнуть оратора не удавалось никакими дипломатическими способами, а портить праздник подруге докучливым спором, грозившим перерасти в склоку – совершенно не хотелось.

– Какие будут ваши предложения? – неожиданно даже для себя, заявила я, развернувшись к нему всем корпусом и вызывающе вздёрнув подбородок.

– М-м-м... А-а-а... – подобная реакция, наконец, поставила скандалиста в тупик и заставила сменить риторику, – И что, прям напишете?

– Спор. Задавайте исходные условия.

– А какова, так сказать, цена вопроса? – прищурился тот.

– Ящик коньяка. – указала глазами на его фужер, хотя зачем он мне – непонятно, крепкий алкоголь не входит в список моих вкусовых предпочтений.

– Тогда-а-а... Сейчас. – мужик задумался, подбирая самые бесполезные, с его точки зрения, навыки, – Пусть она будет певичкой. В средневековье. И ещё монашкой. – для верности усложнил условия задачи он.

– Годится. – я решительно выставила кисть для пожатия, должного поставить уже точку в утомительных дебатах.

– А-а-а, не-ет! – "литературный критик" всея Руси отдёр-

нул руку, почти было дотянувшуюся до моей, – Погодите, ещё героиня! Вот пусть будет... да хоть она. – Его палец указал на первую попавшуюся фигуру, которая принадлежала как раз Катерине.

Та едва не поперхнулась пузырьками. Собственно, на том и подружились. Прототипом героини, на моё счастье, оказалась активная и интересная дама – директор одного из филиалов сети магазинов весьма известного бренда.

Пари я выиграла, по этому поводу и засиделись в тот раз за столиком в уютном углу ресторана. Как ни старался загнать меня в тупик визави, работать над книгой оказалось просто невозможно, как интересно. И вот теперь я вздыхала, что жаль было заканчивать историю, что нет достойных идей для нового, не хватает ярких эмоций и образов.

– Слушай, тебе, дорогая моя, нужно выдохнуть, проститься с романом и получить новые впечатления. – убедительно заявила Катя.

– Возможно, ты и права.

– Постой, наши тут замутили конкурс на поездку в Горный, давай я тебя туда пропихну?

– Так я же никакого отношения к этому вашему розыгрышу не имею.

– Ай, ерунда. – небрежно махнула рукой подруга, – Должна же я тебя как-то отблагодарить за главную роль в книге.

– Кать, да подь ты вся. Я, вроде, не бедствую, могу и сама оплатить, если что.

– Бог мой. Ты как вчера на свет народилась. Как будто я из своего кармана буду финансировать этот тур. Или ты – единственная, кто попадёт в него подобным образом. Не смешите мои набойки! Соглашайся. И потом, сама ты ещё сто лет никуда не соберёшься. А тут – нормальные живые люди, общение, эмоции. Впечатляйся – не хочу.

– А чего бы и нет? – сдалась я.

Так и попала Светлана Павловна Косицкая, по псевдониму – Александра Шерл – писательница-бытовичка, как нас называют на профессиональном жаргоне, в непритязательный автобус, собиравшийся унести своих пассажиров в сказку Алтайских гор.

Не сказать, что так уж комфортно, будем надеяться, что санаторий не подкачает и окажется лучше, чем наше транспортное средство, зато персонажей для изучения – море. И половина, как и я, – очкарики. Руки чесались схватиться за планшет, чтобы скорей уже делать наброски образов, но слово взяла исключительно колоритная мадам – наш проводник и насадка, считавшая в данный момент своих цыплят по головам. Хотя... вот уж на кого, а на насадку дамочка была похожа меньше всего. Скорее погонщица. Одни лайковые перчатки вкупе с тонкой шпилькой чего стоят.

Возрастная блондинка. Крашенная, ухоженная. Лет – на вид не больше сорока, но на деле – все пятьдесят – однозначно. Явно ревностно следит за каждым своим седым волоском. Макияж, маникюр, сто процентов уверена, что и пе-

дикюр (не смотря на "не сезон" для демонстрации гладких пяток) – всё в наличии и отличного исполнения.

Выбор стиля и цветов в одежде – белый и стальной, как и выражение бесстрастных глаз, тоже говорят о многом. К слову, не только о стервозном характере, но и о наличии вкуса. Я опять поймала себя на мысли, что не могу отделаться от желания отобрать у Натальи Леонидовны лаконичную сумочку и всучить кнут. Обязательно возьму этот харизматичный образ в какую-нибудь историю.

Любопытно, как в её глазах сейчас выглядела я? В переключке очередь дошла до моей фамилии, и она как раз обратила высокое внимание на такую незначительную личность, как сорокасемилетняя шатенка в очулярах с изящной дорогой оправой. О, явно отметила хорошую укладку и мастерский татуаж. Не могла не оценить. Марина – супер специалист, сделает так, что и не заметно, что меры приняты радикальные, но всё на своих местах, причём совершенно естественного вида. А эта дама точно знает толк в качественной рукотворной красоте и её стоимости.

Чтобы ещё маленько сбить спесь с надменного лица ведущей, я улыбнулась ей белозубой, самой открытой и доброжелательной улыбкой из своего арсенала. Стоматолог у меня тоже отменный.

Надо же, во взгляде Натальи Леонидовны мелькнула искра любопытства? Боюсь польстить себе, но, возможно, даже интереса. Кажется, она разгадала мои манёвры. По губам

скользнула тонкая понимающая улыбка.

Я расчехлила планшет, и пальцы привычно побежали по буквам. Это стоило записать – надеяться на память в нашей профессии – гиблое дело и неоправданное расточительство.

– *Та-ак, кто у нас дальше?* – отмечая, как будоражит нервы зарождающееся вдохновение (О-о-о, это волшебное чувство!), переключилась на других участников тура, – *И чего же вы, девоньки дорогие, никак не желаете себя любить?* – задалась мысленным вопросом, оглядывая соседок и стараясь не слишком явно крутить головой.

Вот взять хотя бы вон ту хрупкую блондинку. Пусть немного нескладная, пусть даже белёсая, как простыня – ну так чистый холст! Что хочешь сваять можно. Отдай её в руки той же Мариночки – конфета же получится. Хотя я, может, слишком строга к Дюймовочке. Глазки грустные, губы скорбно поджаты, выражение лица угрюмое – может период сложный в жизни. А я тут со своими комментариями. Себя бы вспомнила.

А вон чудесный птенчик с художественной папочкой в руках. Вся скукожилась, сморщилась, укуталась – еле дышит. Как такой яркий рыжик смог сделать из себя полную неприметность, сливающуюся с интерьером – загадка. Спряталась за круглыми очками, шапку надвинула... Зяблик – одно слово.

Или стеснительная пышечка с копной каштановых волос напротив? По мне, так милаха – вон какая приятная улыбка.

Чего так робеть? Ну полноватая, ну возраст, думается, лет пятьдесят пять – шесть. Так взять нашу Ленку (это у которой на именинах спор вышел) – в пятьдесят два она с таким вкусом наряжает свои сто кг, что любо-дорого. Соседка, кстати, кажется, тоже Лена.

– Простите, вы мне не поможете? – отвлекая от наблюдений, над самым ухом раздался довольно приятный мужской голос.

– *Опять очкарик.* – про себя констатировала я, поднимая глаза на пассажира переднего ряда, нависшего над спинкой своего кресла.

В переносицу из-под толстенных линз упёрся смущённый взгляд невысокого русоволосого, взъерошенного, как воробей, парня. На вид симпатяге было лет тридцать с небольшим. Смешной, какой-то неустроенный, но трогательный до того, что едва удержалась, чтобы не погладить его по всклокоченным волосам.

– Чем могу помочь? – вместо этого спросила я.

– У меня портмоне укатилось под ваше сиденье, а тут не развернуться. Вон там, вижу его, а дотянуться не могу. Спасёте?

– С удовольствием. – я наклонилась и выудила из-под ног такой же потёртый, как и его хозяин, кошелёк, – Пожалуйста. – протянула находку.

– Благодарю. – парень немного суетливо кивнул и сел на место, в десятый, наверное, раз пытаюсь удобнее пристроить

под ногами сумку глобальных размеров.

Автобус тронулся и, подрагивая на дорожных колдобинах, покатился вперёд. Путь предстоял неблизкий. Постепенно разговоры, шебуршение пакетов и прочие звуки затихли, пассажиры, уткнувшись в гаджеты, погружались в дремотное состояние.

– *Ладно, будет ещё время.* – поддаваясь общему сонливому настроению, закрыла планшет.

Кто-то шумно, заразительно зевнул. Я тоже не удержалась и, прикрыв ладонью рот, проглотила зевок.

Спасибо милосердным высшим силам, всё дальнейшее произошло во сне. Не успела даже испугаться или что-то почувствовать. Просто дикой силы удар, и меня не стало. Правда, поняла я это только потом, позже.

Глава 2

Открыв глаза, обнаружила, что нахожусь в полумраке странного помещения. Странного от того, что оно живо напоминало описание комнаты какого-нибудь замка из моих же собственных книг.

– Ну вот, хапнула впечатлений, кажется "строка пошла". Ура! – подумала про себя, спокойно разглядывая серые каменные стены, оплавленную свечу, подрагивавшую от еле заметного сквознячка, высокий потолок. Усмехнулась, –

И опять во сне.

Подобное часто происходило, поэтому и страха не было совершенно. Просто очередное сновидение, вызванное пробудившимся вдохновением. Главной задачей теперь было продержаться в нём как можно дольше и постараться потом не забыть детали.

– О! И кровать, как полагается, деревянная и, соответственно, твёрдая, как тульский пряник годовалого срока давности. А постель жидкая, мятая и сыроватая. Какой реалистичный сон. – подивилась я, потянув носом и уловив даже сам этот плесневый запах недосушенного тряпья, – Так, посмотрим, что у нас тут ещё имеется.

Решив, что нужно поспешить разглядеть как можно больше подробностей, пока иллюзия не растаяла, встала с неудобного ложа. Мир слегка покачнулся.

– *Ну вот этого ещё не хватало.* – крепко цепляясь за сознание, схватилась за высокую, прямую спинку стула, оказавшегося под рукой, подождала, пока всё вокруг встанет обратно на место и рискнула сделать шаг, – *Хорошо. Обойдёмся без обмороков, а то и вправду "выкинет из кадра", обидно буде-ет.*

Глянула на стол, такой же массивный, как и стул, который всё ещё боязно было отпустить, поводила глазами в поисках сундука. В подобной обстановке непременно должна иметься неуклюжая гробина, в которой девицы хранят свои вещи. Рекомый сундук обнаружился, как и ожидалось, в дальнем углу. Но большее внимание сейчас привлекала жаровня.

– *Так, вот это вот надо поближе глянуть. А то всё печки, да камни. Только бы не забыть, только бы не забыть.* – приговаривала я, медленно двигаясь к древней отопительной конструкции.

По дороге споткнулась о какую-то металлическую хреновину, непонятно как и зачем оказавшуюся на полу. На ногах устояла, но грохоту наделала – мама дорогая.

На звон в комнату чудным видением буквально ворвалась заспанная девчонка-подросток с жидкой косичкой в доисторической пижамке до пят. В смысле, в ночнушке.

– Ридганда*, вы пришли в себя! – нежное создание при-

жало руки к груди, – хвала Эрине Милостивой***, не дала супругу своему небесному, Даркану Вершителю**, забрать вас в посмертные чертоги.

– Да. – блаженно улыбаясь, брякнула я, умилённо взирая на пришелицу и пытаюсь хоть что-то разобрать в этом щебете, кроме знакомого "вы пришли в себя".

– Я сейчас же бегу за франга****! – девица выпорхнула из комнаты, шлёпая по полу босыми ногами.

– *Постой, не убегай! Я ещё не всё запомнила!..* – хотелось крикнуть ей вдогонку, но следом пришла другая мысль, и я передумала её возвращать, – *Впрочем, валяй, зови. Может с этим франга станет ещё интересней.*

Голову по-прежнему кружило. К этому ощущению при-мешивалась какая-то нездоровая эйфория. То ли от восторга по случаю такой удачной темы для новой книги, то ли... не знаю. Не уверена, но, вероятно, так себя чувствуют наркоманы, накурившись какой-нибудь дряни. Ещё раз глубоко втянув в лёгкие воздух, уловила слабый сладковатый запах, исходивший от жаровни, до которой я, кстати, так пока и не добралась.

– *Надо исправить сие упущение.* – возвращаясь на ранее заданный маршрут, двинулась к намеченной цели, – *А вот любопытно, ридганда, это что? Это меня по имени назвали, или фамиль такой? Как-то корявенько. Зато Эрины с Дарканами – вообще песня. Это, видать, про богов была речь. Звучит-то как эпично. Отличная находка.*

До "печки" я снова не дошла, так как на полдороге вспомнила, что до сих пор не озаботилась внешностью героини. Даже в первую секунду испугалась, что смотрю сон в своём нормальном обличье. Вот бы расстройство было! Глянула на "свои" руки, задрала подол хлопкового балахона, и тут же успокоилась.

– *Порядок.* – отметила удовлетворённо, пронаблюдав острые девчачьи коленки и тонкие пальцы молодых рук, – *Теперь бы вот ещё лицо посмотреть. И где у нас тут зеркало?*

Таковой объект нашёлся не сразу. И вообще, вместо него на стене у окна висело большое металлическое блюдо. Больше никаких отражающих поверхностей не имелось, поэтому пришлось воспользоваться им. Прихватив огарок, подошла поближе и с величайшим интересом уставилось в это чудо допотопной инженерной мысли.

Из блюда на меня смотрела вполне себе привлекательная девушка.

– *Прекрасно! Давненько у меня не было таких жгучих брюнеток.* – разглядывая густые тёмные волосы, констатировала я, – *Ну классическая красotka, что тут говорить. Ровный, аккуратный нос, брови вразлёт, губы пухлые, глаза...* – я придвинулась ещё ближе, наклонилась и заглянула правым оком в самое дно этой мега-тарелки, – *Глаза – шикарные. Прелесть, а не глаза. Необыкновенного орехового цвета и в обрамлении густых ресниц.*

И тут в зеркале что-то сверкнуло, привлекая внимание.

Следуя за отражением, опустила глаза себе на грудь. (Тоже, кстати, очень даже ничего.) Но сейчас не об этом. Выпав из широкого ворота сорочки, на ней лежал кулон. Чёрный камень. Тот самый, мой талисман от бабушки.

– *Странно.* – я скривила губы красотули из блюда в недоверчивой улыбке. Факт наличия этого кулона никак не укладывался в привычную схему попаданства, – *С другой стороны, почему бы и нет? Интересный ход. Пусть героиня и в самом деле прихватит с собой в новый мир талисман. Можно будет обыграть, как некий проводник. Так, ну всё, теперь жаровня...*

Я, завершив обзор, наконец, доплелась до сосуда, наполненного горячими углями.

– "Как бронзовой золой жаровень, жуками сыплет сонный сад. – тут же вспомнилось стихотворение Пастернака, – Со мной, с моей свечою вровень миры расцветшие висят..."

На самом краю, касаясь жара, и в самом деле лежали и тлели соломины какой-то травы. Не иначе дурман какой. Потому, что, кроме как затуманенностью сознания, больше ничем не объяснить идиотизм действия, которое я следом совершила. А именно, решила голыми руками поправить недостаточно ровно, на мой критический взгляд, стоявший сосуд. Раскалённый, между прочим.

Хорошо ещё только одной рукой вцепиться успела. Боль была адская. Тонкая кожа пальцев сплавилась и тут же налилась пузырьём.

– Нет, ну где ум у человека?! – бегая по комнате и тряся обожжённой кистью, ругала себя последними словами.

А вслед за болью, медленно пробивалась трезвость рассудка. И она настойчиво намекала на то, что здесь что-то неладно. Неправильно. Я ведь во сне? Но в этом состоянии просто невозможно испытывать такие страдания. Давно бы уже проснулась.

– *Так, ну всё, достаточно. Дальше я сама насочиняю.* – всё ещё надеясь на призрачность этой реальности, неизвестно к кому обращалась я, обнаружив на столе кувшин с водой и засунув в него руку целиком. – *Кто-нибудь, разбудите пациента. Терпеть же никаких сил нет.*

Однако, ничего не менялось, Пробуждение не наступало. Зато отворилась дверь, и в помещение вернулась девочка в сопровождении шаркающего ногами, слепо моргающего со сна старичка. Дедок, явно только что поднятый из постели, успел накинуть халат, но забыл снять ночной головной убор. Нелепый колпак, съехавший в суете на бок, сделал образ нового действующего лица совершенно потешным. Я даже на секунду отвлеклась от боли.

Старик всплеснул длинными рукавами халата, в которых где-то потерялись его кисти, и запричитал нечто в том же роде, что недавно было прослушано от его провожатой. И, судя по тому, что он, шустро доковыляв до меня, взялся за осмотр головы и глазных яблок, никакой он был не франга, а банальный доктор.

Чувствуя, как неудержимо съезжаю в пучину безумия, как зашумело в голове (от чего окружающие звуки слились в монотонное далёкое бу-бу-бу), выдернула руку и попыталась отстранить дедулю. Воздуха катастрофически не хватало.

Жжение резануло с новой силой, заметно освежив чувства.

В горле всё в момент пересохло и слиплось. Но кувшин с водой был занят – в нём в данную минуту снова торчала моя же пострадавшая рука, которую больше не тянуло оттуда вынимать.

– Не сон. – вслух констатировала я, заставив напряжённо замереть этого самого франгу.

Глоссарий:

* Высшее дворянство (князь, герцог, маркиз, граф) – ридган/ридганда

** Даркан Вершитель – Бог смерти и посмертия. Забирает душу умершего, судит его деяния и помыслы, а потом отводит в достойное для умершего место. Кого отправляет в ад, кого – в рай, а некоторым, где сомневается, выносит приговор – перерождение. Логичен, мало эмоционален. Покровитель военных и охотников. Его стихия – огонь.

***Эрина Милостивая – жена Даркана, аналог Персефоны, богиня жизни и возрождения, плодородия. Покрови-

тельница рожениц. Её стихия – Земля.

**** Врач – франга/франгана – воюющий со смертью
(аналог: doctor – лекарь, доктор (ученая степень), учитель)

Глава 3

– Не сон? – тупо повторила я, глядя на старика теряющими картинку глазами, и уже без сопротивления, даже, можно сказать, с облегчением падая в бессознательное.

Очнулась утром, о чём сообщил льющийся из окна солнечный свет, ощутимый даже через закрытые веки. Поднимать их совершенно не хотелось. Во-первых, всё тело казалось неимоверно тяжёлым, и даже ресницы, по определению должны быть лёгкими, как пушинки, пудовым весом отягощали глаза. Во-вторых – страшно.

Всё произошедшее ночью помнилось явственно, до последней мелочи. Прислушалась к ощущениям в руке – не так остро, но, замотанные какой-то тряпкой, пальцы ныли. Пришлось признать, что и не открывая глаз можно сделать вывод – я именно там, где боялась проснуться.

Из помещения исчез сладковатый запах дурман-травы, вместе с ним меня покинула эйфория и обезболивание, которое, по всей видимости, она давала. По крайней мере ночью не было такого поганого ощущения в желудке, будто его наемдни настойчиво выворачивали на изнанку. И вообще, жизнь казалась радужной и понятной. А теперь?

Теперь выходит, что... Мамочки, у меня рот не выговаривал то единственное, что просилось на язык. (Ну кроме версии со враз охватившей разум бесноватостью, во что тоже

верить не очень-то хотелось.) Так. Давайте вспоминать, что восстанавливается из нормальной действительной реальности. Путька, автобус, вот я пишу наброски, уснула... Что ещё? Удар! Удар чудовищной силы, и... дух вон.

– *После такого не выживают.* – чувствуя, как наворачиваются слёзы, как по виску бежит горячий ручеёк, честно констатировала я, отключая мысли и позволяя мозгу хотя бы ненадолго погрузиться в невесомость.

Все эти истории про попаданцев – чистой воды вымысел. Сказки. Уж я-то знаю это наверняка. Поэтому, просто взять и поверить в реалистичность такого развития событий никак не получалось. От одной только подобной фантазии мутило даже лёжа.

Долго собираться с силами мне не дали. Вскоре в комнату проведать болящую пришла та самая девочка-подросток, которая ночью вызывала врача. На цыпочках приблизилась к кровати и заметила слёзы, с которыми вообще не удавалось справиться.

– Вам больно, ри Тина? – она взялась утирать мою щёку и подложила чистую ткань на промокшую подушку. – Это потому, что франга Эльронд велел убрать благовония, испугавшись, что сладкий дым уведёт ваш разум за вечные пределы. А напоить настоем мы вас не успели. Сейчас... – девочка сбегала к столу и стала одной рукой приподнимать мою голову.

Разлепив глаза, сквозь мутную призму невысохших слёз,

я различила на уровне рта глиняную пиалу. Сопротивляться сил не было. Да и зачем? Этот ребёнок зла мне точно не желает. А пить и в самом деле очень сильно хочется.

Однако, как только я сделала первый маленький глоток, желудок снова скрутило спазмом.

– Это ничего. Это потерпите, сейчас станет легче. – приговаривала она, утешающе поглаживая по руке,

Надо сказать, что почти сразу боль и в самом деле стала потихоньку отпускать. Моя спасительница дозволила сделать ещё два глотка густой, вязкой жидкости и убрала чашку, ссылаясь на то, что больше нельзя за раз – доктор не велел.

– А просто воды можно? – вслушиваясь в звуки своего нового голоса, осторожно спросила я.

– Надо подождать. Совсем немножко. Сейчас позову старика Эльронда, и он сам подаст, когда зелье войдёт в силу. – с этими словами она, потряхнув косичками, убежала за подмогой.

Такое простое действие окончательно развеяло все сомнения насчёт моего нынешнего положения. Отчего паника только усилилась. Ничем приятным моим героиням попаданство, как правило, не оборачивалось. По крайней мере на первых порах. А чтобы добраться в эти другие – счастливые поры, требовалось не один пуд соли проглотить. Думать о том, что книги с плохим концом никто обычно писать не берётся, однако нигде не сказано, что их не бывает, вообще не хотелось.

Я снова, уже с совершенно другими целями, мыслями и эмоциями оглядела комнату, убеждаясь в том, что выживать нынче придётся в самых, что ни на есть, спартанских условиях натурального средневековья. Отрезвление вышло жестоким. Но, хочу я здесь находиться, а также верить в происходящее, или не хочу – никого уже не интересует.

Самую малость успокаивало то, что большим бонусом из прошлой теперь уже жизни я прихватила знания, пусть даже только теоретические, о том, как себя вести.

И первой вопросом вставала необходимость как можно больше разузнать, кто та самая девица, в тело которой меня вселили, почему в таком плачевном состоянии находится, и что вокруг вообще происходит. То есть, оценить исходные условия свалившейся задачи, принять их и не спалиться, чтобы не угодить в местный приют для слабоумных.

Только я немного пришла в себя, смогла погасить приступы паники и самостоятельно устойчиво сесть в кровати, как в комнату нагрянули гости.

Кроме девочки и ожидаемого доктора, в двери величаво вплыла взрослая женщина лет за сорок и девушка примерно моего же нынешнего возраста или чуть младше, с откровенным любопытством выглядывавшая из-за её спины. Обе мне сразу не понравились.

Дама, одетая в довольно приличное бордовое платье явно аристократического фасона, смотрела на меня свысока, даже с раздражением.

– Это был совершенно безрассудный поступок, Тиннариэль. – презрительно поджимая ярко очерченные губы, заявила она, – Не сложишься всё так благополучно, что бы о нашем доме подумали соседи и твой, да простит меня Асфита, жених (на этих словах тётка, закатив глаза, многозначительно вздохнула), если он когда-нибудь всё-таки снизойдёт до того, чтобы исполнить данное его отцом слово. Стыд-то какой.

На этом проповедь закончилась, дама, видимо, исчерпала своё желание со мной общаться, и не сказав на прощание больше ни слова, удалилась из моего поля зрения. Зато сопровождавшая её девушка нашла, что добавить.

– Ну ты, Тинка, и ду-у-ра. – сделав круглые глаза, протянула она и подалась вслед за предыдущей ораторшей.

Я молча, как того требовала ситуация, прослушала выступления, сделав вывод, что из сказанного понятно только то, что вот эти двое меня не любят, всё, как подспудно и ожидалось, вовсе не хорошо, моя предшественница со сложно выговариваемым именем Тиннариэль наворотила что-то непотребное, но в целом большой ясности не наступило. А! Мелькнуло упоминание о каком-то женихе сомнительного поведения, что тоже в общую картину радужных красок не добавляло.

Впрочем, пробелы в информации, сами того не ведая, тут же взялись восполнять оставшиеся со мной доктор и девочка.

– Не слушайте их, ри Тина, – досадливо забубнила

маленькая защитница, как только за парочкой закрылась дверь, – С таким отношением кто угодно бы решился наесться упокой-травы.

– Молчи, Кора, грех это. Даже думать грех. – одёрнул девчонку дед, тут же, впрочем, обратив на меня сострадательное внимание, – Тяжело вам, знаю, ри, но что было бы, не окажись я рядом? Как бы встретились на той стороне с отцом? Какими бы глазами в его посмотрели? – мне, наконец, подали воды.

Из тихого спора старого и малого, что сейчас искренне заботились обо мне, в общих чертах удалось понять следующее.

Отца Тины в живых нет. Замком (а это было именно так) нынче управляет его вторая жена, которой я – поперёк горла. В общем, банальнейшая вариация на тему Золушки. С той разницей, что у местной злобной мачехи в наличии имеются не две такие же зловредные дочери, а одна, которую я уже имела счастье видеть, и сын, коего в силу малого возраста не притащили поглазеть на очухавшуюся незадачливую самоубийцу.

– *Кошмар полный.* – подбивая итоги, думала я, - *Чем же девчонку довели до той степени, что она отчаялась на жуткий шаг?*

Волосы на загривке стояли дыбом от понимания – это теперь моя судьба. За какие грехи меня наградили подобным перерождением – не знаю. Есть какой-то скрытый смысл в

моём попаданстве, или в порядке компенсации за непрожитые годы запихали в то, что под руку подвернулось?

Одни вопросы в довесок к самым неутешительным прогнозам.

Глава 4

Продолжать паниковать смысла не имело никакого. Конечно, говорить подобные прописные истины гораздо легче, чем действительно вот так вот враз взять и принять данность, которая никак не лезет в рамки разумного. Тем не менее, раз сто повторив себе, что я справлюсь, и всё будет хорошо, я постаралась хотя бы притвориться, что верю сама себе, в надежде, что рано или поздно разум перестанет сопротивляться и освоится с переменами.

Самым логичным и правильным теперь было дать новому телу потихоньку отболеть то, что с ним сотворила предшественница, осмотреться на местности и там уже принимать решения, как действовать дальше.

Но в первую очередь нужно, простите, помыться. Прямо очень. И вот тут не понятно, почему в поле зрения до сих пор не появилась какая-нибудь серьёзная служанка. Она ведь точно должна иметься. Судя по приставке, которую употребляют с моим новым именем, а также другим признакам, как то: проживание в замке, одежды мачехи и её дочери, семейный, так сказать, доктор – я нынче, таки, не как-нибудь, а особа титулованная. Хоть, судя по всему, и несколько бесправная.

И тем не менее, почему мне прислуживает ребёнок? Нет, не подумайте, что я сию же секунду враз "переобулась" в гер-

цогиню. (Это условно говоря. Ещё разобраться, кто по нашим мирским меркам эти самые "ри") И тут же возжелала поиграть в барыньку. Просто срочно требовался человек, который сможет помочь разобраться с самыми банальными бытовыми необходимостями. Ну не просить же девчонку тащить мне воду – пуп ведь надорвёт, а сама я пока вряд ли далеко уйду.

В общем, дождавшись, когда девочка снова ко мне заглянет, я решила огласить насущный вопрос о помывке.

Кора на секунду растерянно вцепилась в жёсткие складки юбки, но тут же решительно заявила, что и без мамы сама всё сумеет организовать. На осторожный вопрос о том, где у нас, собственно, мама, она сообразила, что я, в связи с временным беспамятством, действительно не могу обладать этой информацией, взрослым жестом всплеснула руками и сообщила следующее.

Мама (я так понимаю, та самая нелогично отсутствующая служанка), узнав, что Тина наелась какой-то гадкой травы, чтобы... ну вы поняли, по просьбе доктора побежала на озеро нащипать другой травы, которая, вроде как антидот, но при этом обязательно должна быть свежей. Провалилась попутно в холодную воду и теперь лежит с простудой. А вместо неё и за мной, и за ней теперь ухаживает Кора.

В общем, если очухаюсь раньше, надо навестить и поблагодарить тётку, пострадавшую из-за выходки девицы. Меня, в смысле. Тьфу! Как-то бы перестать циклиться на этой теме.

Тем временем, пока я размышляла, пара незнакомых молодцев в комнату притащили сперва приличного размера бадью, а затем и ведра с горячей водой. Не так уж плохо, надо отметить. Девочка уже стояла наизготовку с чашей густой смеси и простынёй. На спинке сула повисла сменная сорочка, извлечённая из сундука.

– Ещё бы намекнуть, что постель тоже желательно обновить. – подумала я, тяжело сползая с кровати.

Боли не было. Зелье доктора работало без сбоев. А вот противная слабость, заставлявшая трепетать каждую жилку в теле, никуда не делась. Даже не верилось, что ещё вчера ночью я довольно резво перемещалась по комнате. Крепко, видать, меня тогда благовониями бесовскими шарахнуло.

подавив приступ неловкости, которая в данный момент была бы не только неуместной, вследствие отсутствия сил, но и подозрительной в глазах маленькой помощницы, стянула пропахшую... ну не будем уточнять, одежонку и полезла в воду.

Кора поддержала под руку, помогая не грохнуться неуклюжим мешком, и, зачерпнув из чаши, принялась усердно мылить мою спину жёсткой тряпкой. Кстати, "мыло" оказалось с приятным цветочно-травяным ароматом.

И эти маленькие детали – тёплая вода, нежный запах пены (хоть и скудной, не такой, как наши привычные гели для душа), тихое бормотание девчачьего голоса – по капельке убавяли насильно спрятанный, но никуда не девшийся, при-

таившийся в лабиринтах сознания страх.

От простой гигиенической процедуры стало заметно легче. И морально, и физически. О том, что не логично в намытом виде ложиться в грязные простыни, Кора вспомнила и без моего напоминания.

Настроение улучшилось, появился аппетит. Но на обед мне снова выдали лишь чашку бульона. Пришлось смириться. Доктору виднее. То, что я не чувствую боли, вовсе не означает, что внутренности встали на место и готовы функционировать в рабочем режиме.

Помощница заботливо уложила меня в постель, те же молодцы поколдовали у жаровни, утащили бадью в неизвестном направлении, Кора прибрала воду с пола и сбегала за доктором.

Бедное дитё крутилась, как белка в колесе. Знаете, как неловко, когда за тобой ухаживает такой маленький человек. Есть в этом что-то неправильное. И хотя сама она не выказывала никаких признаков усталости или недовольства, всё равно трудно было смотреть на это сосредоточенное, сведённое взрослой гримасой озабоченности лицо.

Да-да, помню-помню. Именно так и росли наши предки, с раннего детства приучаемые нести ответственность за близких и к тяжёлому труду. Только я тех времён не застала, и воспринимать ситуацию, как должное, не получалось. Как много теперь предстояло освоить. Привыкнуть к "неправильностям", перестать внутренне корчиться. То ли ещё бу-

дет.

Старик Эльронд остался доволен моим состоянием. Выдал ещё три глотка своего снадобья и велел спать. Я, в общем-то, была с ним совершенно солидарна. Сон – одно из лучших средств, помогающих пережить болезнь. Тем более, что после водных процедур и бульона веки действительно норовили захлопнуться.

Однако, перед тем как позволить себе расслабиться, я всё-таки упрямо желала удовлетворить обоснованное любопытство и хотя бы в окно посмотреть, где нахожусь. Прояснить, так сказать, каков этот мир в общих чертах – какое время года на дворе, какого цвета небо и одно ли на нём солнце. А то, знаете ли, мало ли куда могло занести.

Поэтому, едва дождавшись, когда все посетители разойдутся, доволокла до стены себя и тяжёлый стул и полезла к узкому проёму.

Судя по ширине подоконника, каменный замок строили на века. Бронебойная конструкция. И, наверное, огромная. Высунув нос наружу и оценив расстояние до земли, на котором располагалось моё смотровое отверстие, словила головокружение и опасно отодвинулась от края. Хоть реально выпасть в это окно вероятности было мало, но всё равно как-то неприятненько. Всю жизнь боялась высоты.

Да и разглядывать, по большому счёту, внизу было особо нечего. Взор почти сразу упёрся в основательную стену, по всей видимости, окружавшую территорию замка по пери-

метру. За ней – зелёное поле поздней весны, наверное, даже почти лета, а ещё дальше лес. Наверняка где-то рядом река, но мне её отсюда просто не видно.

Прямо подо мной успела выхватить взглядом цветущие деревья. Очевидно, сад. Вот, пожалуй, и всё. А, да, небо синее, солнце жёлтое, одиноким шаром застрявшее в редких облаках. И даже порхающих драконов не видать. Фух, ну хотя бы в этом повезло.

Перед тем, как окончательно вырубиться, ещё поразмышляла, грешным делом, на тему, что кому-то из наших героинь выпадала оказия провалиться в миры с магией. Здесь же, по крайней мере, судя по арсеналу лекарственных средств, ею даже не пахнет. И вообще, хорошо это или плохо?

С одной стороны, вроде как, удобно по мановению руки возводить дворцы или вызывать огненные смерчи. С другой – ну его. С такими вещами лучше не связываться. Вот так нарвёшься на волшебника покруче себя и что делать, куды бечь, как выражалась моя бабуля?

Или всё же не помешала бы хоть какая-нибудь бытовая, ма-аленькая и удобная?

– *Нет?* – на всякий случай внимательно посмотрела на свои руки и даже покрутила их перед носом, прислушалась к ощущениям внутри.

Глухо. Единственно действительно необычным, выпадающим из логики даже такого нелепого абсурда, как попаданство, было наличие на моей шее кулона из прошлой жизни.

ни. Никогда особо не верила в "магичность" этого камня, но талисманом бабушкин дар считала и носила постоянно. Можно сказать, сжилась с ним. Поднесла его к слипающимся глазам, и чёрный шерл* как будто подмигнул мне, сверкнул крошечной искрой. Или мне это уже снилось?

** Шерл – это чёрный турмалин, чей цвет обусловлен большим содержанием железа. Используется в ювелирном деле очень редко, но выглядит чрезвычайно эффектно.*

Уже в средние века шерлу приписывали магическую силу. Несмотря на непроницаемую черноту, камень обладает положительным действием. Его вибрации резонируют с вибрациями человека, его энергия усиливает энергетику хозяина. Вот какие свойства магического характера приписывают чёрному турмалину: При ношении на груди или у сердца, камень очерчивает защитное поле, через которое не проникает ни сглаз, ни порча, ни осуждение, ни зависть людская. Очищает камень шерл и самого хозяина. Носящий его постоянно становится чище мыслями, обретает возможность медитировать, общаться с высшими силами. Он помогает впавшим в уныние, злобу или обиду. Чёрный турмалин излечивает энергетику человека и через то исцеляет физические недуги.

Обратите внимание! Хотя шерл и называют часто «ведьмин камень», основное его назначение – защита от нечистой силы и людской злобы.

Глава 5

Потянулись однообразные дни выздоровления. Доктор только качал головой и поминутно поминал уже слышанные имена богов и богинь, удивляясь скорости восстановления моего здоровья.

Я и сама на третий день отказалась от его обезболивающего зелья, чтобы понимать, насколько хорошо или плохо себя чувствую. А то ведь так и будут бульоном морить, считая, что отравление съеденной травой убийц и самоубийц продолжает угнетать организм с прежней силой. По опыту, полученному моим лечащим врачом многолетней докторской практикой, так и должно было происходить.

Но мне явно что-то помогало выздоравливать быстрее его прогнозов. Может быть, собственные силы, а может и... бабушкин кулон? Её рассказы о свойствах камня я с удовольствием и вниманием слушала только в детстве. Повзрослев же, стала воспринимать эти семейные байки, как сказки на ночь. Что, впрочем, совсем не мешало хранить и беречь его, как, например, Скруджу Макдаку свой первый доллар.

И вот теперь в памяти всплывали отдельные обрывки о том, что, мол, очень способствует сей артефакт (простите за пафосное название) всяческому оздоровлению, отгоняет злых людей и всё в том же духе. Сказать точно нынче уже сложно. В прошлой жизни я не была болезненным челове-

ком. А вдруг потому и не болела, что кулон не снимала? А что ногу сломала – так может нарочно меня на попу усадили, чтобы о жизни задумалась и что-то в ней поменяла?

Ой, ладно, так до чего угодно доизмышляться можно.

А, да, кстати вот "злые люди" меня здесь тоже пока действительно вниманием обходили, не сказать игнорировали. Я имею ввиду мачеху и её "светлое" дитя. То ли сей аргумент тоже в пользу мистических свойств талисмана, то ли, и скорее всего, именно так дела и обстоят, моя персона просто никого не интересовала. Жива, и ладно. С глаз долой, из сердца вон.

Вот прям прекрасно. Лично меня такое невнимание на данный момент более, чем устраивало.

Зато, за прошедшее время спокойно удалось прояснить кучу любопытных и полезных вопросов. Помощница моя со всей детской непосредственностью болтала непрерывно, как дышала. Только успевай направлять её речи в нужное русло.

Так вот, если по порядку, то ситуация в целом выглядит следующим образом.

Отец мой покойный ушёл в лучший мир не так уж и давно, около двух лет назад. (Что и так было логично предположить, имея ввиду факт наличия в доме малолетнего наследника) Для своего времени был человеком, можно сказать, весьма просвещённым и очень любил меня. Причём отцовская его забота проявлялась не только и не столько в том, чтобы баловать свою дочь какими-то традиционными веща-

ми, типа девчачьих безделушек, новых платиц и потакания мелким прихотям.

Тиннариэль (прямо, как я в своём мире) оказалась точной копией батюшки в плане характера, пытливости ума и склонности к увлечению науками. Например, почивший глава семейства знал два языка. Местный и какой-то восточный, как я поняла. Мархра... мархаратский что ли? Со слов Кору, которая сама местами конкретно терялась в понятиях, однозначно утверждать сложно.

Мачехина дочь, доставшаяся ему вместе с новой женой, как нормальная девочка своей эпохи, заинтересованности в умственном развитии и изучении доступных наук не проявляла. Посему, весь папин энтузиазм в этом отношении перепал Тине. В итоге она на домашнем родительском обучении умудрилась не только получить основы грамотности, но и овладеть к своим годам "вражеским" языком.

Вот тут не знаю, на какой вопрос отвечать вперёд. Зачем высокородному господину потребовалось самому учить чужой язык, да ещё и дочку активно просвещать, или почему "вражеский"? На первый из них внятного объяснения получить не удалось. Просто все знали, что хозяин мог часами заседать в библиотеке (хорошая новость!), увлечённо роясь в толстых талмудах, и Тиннариэль с малых лет любила это время проводить вместе с ним, с годами постепенно вовлекаясь в процесс и заражаясь его страстью.

Что касается второго вопроса, тут тоже не всё просто и

понятно.

Для начала сразу следует отметить, что изложение истории мира у Кору получалось путанным и обрывочным. Как выяснилось, это я сама же когда-то пересказывала ей отцовские уроки. (Больше, видимо, поделиться было не с кем, а хотелось. Но с сестрой мы никогда особо не ладили, да и вообще, той морщить извилины, как уже сказано, было лень.)

Ну вот. Девочка слушала "мои" байки, как я когда-то бабушкины сказки (что-то запоминала, что-то выпадало), а может я просто мучила зависимого ребёнка игрой "в школу", пихая в её голову полученную информацию... Важно другое – то, что теперь она бодро весь этот сумбур выдавала мне же, демонстрируя свою "образованность". Тут я, конечно, хитрила, как могла, делая вид, что просто испытываю "ученицу" на то, насколько хорошо она запомнила мои рассказы.

По версии Кору, отредактированной мною в уме, выходило, что когда-то давным-давно одному великому и ужасному правителю, Гроссу Завоевателю, удалось сколотить могучую империю. Понятное дело, что исключительно милитаристическим путём с активным применением умелых, талантливых, но подлых интриг, козней и прочих злодейств.

Попутно могучий и кровожадный воин наплодил наследников, которые и обеспечили родителю досрочный билет в загробный мир при помощи чего-то подобного упокой-траве. В дальнейшем сыновья сменяли друг друга с упорством и постоянством, достойным лучшего применения, покидая

бренный мир по той же скорбной причине, что и прародитель.

Длилось сие безобразие много лет, за которые всё же удалось прибрать к рукам множество окрестных земель, мелких княжеств и народов. Загрести под себя не получилось только одно государство, ибо управлял им не менее харизматичный и воинствующий персонаж. Речь о Мархарате. (Это название государства. А правил им Шахир-тар-... чего-то там. Потом в библиотеке уточню.)

И разразилась война двух титанов. Так вот мерялись они, мерялись, прости господи, силушкой богатырской аж семнадцать лет, в итоге рухнули и убились оба. Но по-разному. Вот этому Шахир-тару, как человеку, видимо, более мудрому, менее жадному и уделявшему воспитанию детей должное внимание (раз отпрыски не спешили отправить папу к праотцам, и тому довелось дожить до весьма почтенных лет), удалось при поддержке сыновей сохранить хотя бы ядро Мархарата. А второй колосс...

– Империя, созданная Гроссом Завоевателем, разлетелась на осколки. – трагическим шёпотом Кора заученно завершила повествование. (Наверное, мне самой страшно нравилось это место, раз вызубрила и дитё запомнить заставила такие сложные и вовсе ей не нужные понятия.)

Дружить Мархарат по-прежнему ни с кем не торопился, вот и выходило, что язык сего иностранного государства, как и саму державу, почитали вражескими.

Далее. Что там с моей титульной принадлежностью, прояснит только какая-нибудь родовая книга. Пытать Кору на эту тему, тем более, прознав, что в замке имеется библиотека, я не рискнула.

Теперь, возвращаясь к заботе отца обо мне. Помимо вышперечисленных фактов, за которые при жизни и его самого (за глаза, конечно), и меня (теперь уже абсолютно открыто) считали маленько чокнутыми, в наличии имелось ещё одно совершенно дикое проявление, так сказать, отложенной заботы. Сейчас поясню.

Дело касается таинственного жениха. Лично у меня буквально глаза на лоб полезли, когда из причитаний Кору удалось сложить более-менее целостную картину. Суть в том, что меня в нежном возрасте, а именно в пять(!) лет обручили с сыном лучшего друга отца. Они, видите ли, таким образом решили отметить личное друг к другу замечательное отношение, скрепить ещё сильнее и без того крепкие товарищеские узы и дальновидно пристроить детей в хорошие семьи одинакового, простите, титульного достоинства.

Нет, наверное, подобное мракобесие для местных – нормальная традиция. Даже, скорее всего, сей шаг был действительно продиктован искренней родительской любовью и беспокоейством за наши с этим неизвестным вьюношей судьбы... Но что теперь, позвольте спросить, с таким "богатством" делать мне? Вот она, одна из прелестей судьбы средневековой женщины! В полный рост! Как разгребаться с

нелепым обручением – ума не дам.

Но факт остаётся фактом – в шкатулке для документов лежит соглашение двух семей о нашей помолвке, более того... Как выясняется, большую часть приданного за меня уже давно передали в дом жениха! Но самое поганое даже не в этом. Тина стала предметом сплетен, насмешек и целью для едкой мачехиной критики, придирок и упрёков вследствие того, что перспективный кандидат в супруги где-то основательно заблудился.

Глава 6

Замок Хальдад, владение ридгона Мелькора.

Величественное сооружение из серого и красноватого камня, окружённое высокой стеной, застыло в клубах пред-рассветной дымки на острове в центре озера Беор. Впрочем, хозяева замка строили этот монументальный комплекс в столь живописном месте не ради того, чтобы иметь возможность любоваться красотами природы, а исключительно в стремлении превратить свой дом в неприступную крепость. И не прогадали. За всю историю своего существования Хальдад ни разу не был захвачен врагами.

К стенам его протянулся длинный мост. Само же родовое гнездо ридгона Мелькора состояло из двух частей: предзамка и дворца с последним убежищем на случай осады – квадратной башней-донжоном*.

В просторном первом внутреннем дворе разместились необходимые хозяйственные постройки. От жилой половины его отделял ров и второй подъёмный мост**.

В трёх углах защитной стены молчаливыми стражами высились круглые смотровые башни с глазами-бойницами.

Когда-то все эти надёжные, проверенные веками сооружения хранили жизни и покой членов многочисленных семей предков Мелькора. Теперь же стены замка берегли лишь их портреты и своего одинокого владельца. Слуги, окружавшие

своего ридгона заботой и неотступным вниманием, не могли спасти того от тоски, поселившейся в этом доме и пожирившей сердце его хозяина последние годы.

В большой рабочей кабинете, лениво разливая приглушённый жёлтый свет, тихо потрескивали немногочисленные свечи в позолоченных трёх рожковых канделябрах. С некоторых пор ридгон перестал любить яркое освещение и тогда же потерял сон. Сквозь стекло окна робко пробивались самые первые лучи просыпающегося солнца.

Вот один из них медленно пополз по идеально полированной поверхности тёмно-коричневого прямоугольника стола, затаёливо украшенного искусной резьбой по бортику столешницы. Вот опасливо скользнул по расслабленной руке, выше, задержался на опущенном вниз усталом лице немолодого уже мужчины, вынуждая его поднять голову и обратить взор на чудо зарождавшегося утра.

Некогда смоляные, а нынче густо забеленные сединой волнистые волосы огладили широкие, горестно опущенные плечи. Ещё несколько минут карие глаза Мелькора слепо смотрели в окно, затем его рука потянулась к лежащему на столе листу новомодной бумаги, дорогой, отливающей шелковистым блеском, скомкала недописанные строчки и отправила в угол, где уже валялось штук шесть подобных покалеченных страниц.

Вот уже два с лишним часа ридгон мучил перо, пытаясь в очередной раз подобрать слова, способные вернуть ему по-

терянного сына. Он не знал, находили его мальчика предыдущие письма, или нет. Как и не знал, доживёт, дождётся ли того дня, когда снова сможет обнять своё строптивное, но беззаветно любимое дитя.

Ссора. Глупая, нелепая ссора стала причиной того, что единственный наследник Мелькора хлопнул дверью и уехал поступать в легион, отправлявшийся в места приграничных стычек с Мархаратом.

– *Ронан, сын... Когда же ты успел вырасти в такого же непокорного упрянца, как твой отец?* – в тысячный, наверное, раз себе, небу, этому шкодливому солнечному лучу, танцующему за окном ветру он обращал свой безответный немой вопрос.

В тот злополучный день молодой и пожилой, похожие, как две капли воды, мужчины впервые не смогли договориться. Не нашли в себе сил остановиться в кипевшей страсти спора, не услышали друг друга, не сказали нужных слов.

И всё из-за чего?! Как же он сейчас корил себя за горячность, за то, что не имел мудрости убедить сына в неправильности его взглядов, за то, что не удержал от необдуманного порыва, за что угодно ... Но только не за то, в чём крылась причина вспыхнувшего разногласия.

А ею стала та самая пресловутая помолвка, которую они с Хунгором сладили для своих детей много лет назад. Когда ещё была жива Аурра – любимая жена и мать Рона, а место Элоры, покойной мамы Тиннариэль, рядом с другом ещё не

заняла эта чванливая охотница за титулами и чужим благосостоянием. Да и сам Хунгорд уже два года, как ушедший за крайние пределы, был здоров и крепок телом и духом.

Почему возмужавший мальчишка так яростно воспротивился родительскому решению, Мелькор до сих пор понять не мог. Где сын успел нахвататься вольнодумных идей – тоже крылось за пределами его разума.

– Отец! Ты меня не слышишь! Вся эта слепая помолвка, вопреки твоему святому убеждению в благости ваших намерений, продиктованных на твой взгляд исключительно любовью, на деле не что иное, как насилие. – полыхая гневными молниями из таких же карих, как у родителя, даже почти чёрных очей, зывал к нему Ронан.

Ридгон помнил каждое сказанное тогда слово, на сотни сотен раз прокрутил в голове каждый оттенок интонаций. Сын действительно яро верил в то, что говорил. И его сопротивление было вызвано не скверностью характера, а именно вот этой самой убеждённостью.

– Я отказываюсь делать девочку несчастной просто потому, что вы приняли такое решение за нас. И свою жизнь не согласен положить на алтарь чужого выбора. Мы не знаем друг друга. С чего вы взяли, что этот шаг – единственно верный? Всё, что я помню о Тиннариэль, это образ смешного дитя с тоненькими ручками и царапиной на щеке, которую она заработала, падая со стула в пыльной библиотеке твоего старинного товарища. Может я ей окажусь противен. Или

она выросла в скучную, злобную, костлявую стерву. А я хочу так, как у вас с мамой, понимаешь?

– Но ты не можешь отказаться, Ронан! Это – до-го-вор! Это слово, данное другу, в конце концов! – гремел в ответ Мелькор.

– Могу. – почти спокойно ответил тогда сын, – Я никому такого слова не давал.

– Маленький беспечный дурак. В такого коня вырос, а ума не нажил! Как же ты не поймёшь, что так, как у нас с мамой, это одинокая, благословенная богами хрустальная капля, доставшаяся нам с Ауррой из бездонного моря менее счастливых судеб.

– Значит, я разыщу свою каплю. И буду искать, пока не найду.

– Безумец!

– Твой сын!

– Ты не посмеешь!

– Как знать!

– Но приданное?!

– Верни.

– Ронан! Не заставляй меня действовать жёстко!

– Не стану, отец. Я просто не стану жить в доме, где из меня пытаются сделать покорного бычка, с любовью отправленного на закланье.

И всё. Он ушёл в тот же день.

Ведь можно было найти решение. Хотя бы дать детям

шанс увидеться. Возможно, эта встреча смогла бы поколебать упрямое несогласие Рона. Но ридгон Мелькор просто не поверил в то, что его мальчик действительно способен выполнить такое опрометчивое, ведущее к опасным последствиям, обещание. Рыкнул, стукнул напоследок для убедительности кулаком по столу и ушёл к себе. А утром стало уже поздно что-то менять.

Это случилось три года назад, когда подходило время исполнения обязательства, и отцы решили поближе познакомиться детей.

Надо было, наверное, что-то делать. Может быть действительно расторгать помолвку, возвращать девочке её... Ох... А что тогда делать с испачканным добрым именем, с опороченной репутацией? Сынок – сынок... Если бы всё действительно было так просто.

Мелькор тянул и тянул, не решаясь сделать этот непростой шаг. Скорее всего, он просто всё-таки надеялся на то, что Рон проветрит горячую голову вдали от дома, одумается, вернётся. Ведь наследник пошёл в отца не только внешностью и вспыльчивостью характера, верно?

– Сын, мы всё исправим. Мы найдём ответы на любые вопросы. Только вернись. Только живой. – ледяными пальцами обрывая жизнь огня свечи и не чувствуя боли, снова, как молитву, прошептал седой, заметно постаревший за эти чудовищно долгие годы мужчина.

* **Донжон** – главная башня в европейских феодальных

замках. В отличие от башен на стенах замка, донжон находится внутри крепостных стен (обычно в самом недоступном и защищённом месте) и обычно не связан с ними – это как бы крепость внутри крепости.

Глава 7

– Ридгон Мелькор! Ридгон Мелькор! – запыхавшийся секретарь хозяина замка и его главный помощник ворвался в кабинет, кажется, даже забыв от волнения постучать в дверь.

Мужчина вздрогнул от неожиданности и посмотрел на него с недоумением. Махтан, хоть и был одним из лиц наиболее приближённых к господину, никогда не позволял себе подобных вольностей.

– Простите, ри Мелькор. – верный слуга осознал оплошность и замер с повинной головой.

Впрочем, лишь на секунду. В следующий миг он снова поднял на хозяина глаза размером с суповую тарелку, полные слёз и густого замеса самых противоречивых чувств, от страха и неверия до мольбы, надежды и самой безграничной радости.

В ходивших ходуном руках Махтана подрагивала какая-то бумага.

– Да что с тобой?! – раздражаясь на непонятность ситуации и нежеланное постороннее присутствие, спросил ридгон.

– Письмо. – сам боясь окончательно поверить в происходящее, изменившимся до сипа голосом произнёс помощник и порывисто протянул драгоценное послание Мелькору, – Гонец привёз письмо от... вашего сына.

Все и каждый в замке до последнего мальчишки-полотёра знали, как страдает их господин, как ждёт любой вести о наследнике, как не спит ночами и молится о его благополучном возвращении. Поэтому, когда стража моста только услышала, с какой целью явился вестник, того едва ли не на руках внесли в крепость вместе с загнанным вусмерть конём, а послание молниеносно передали Махтану.

– Эрина милостивая, Асфита милосердная... услышали мои мольбы... – онемевшие пальцы ридгона никак не могли справиться с печатью. Лицо отца сковала каменная маска, грудь судорожно вздымалась, дыхание не успевало за разогнавшимся в бешеной скачке сердцем.

Наконец, глаза мужчины побежали по строчкам. Но ему не удавалось различить, уловить смысла написанных слов. Только увидев знакомый, хоть и непривычно неровный почерк, Мелькор уже не мог думать ни о чём, кроме того, что сын его жив и да, именно он писал это письмо. В десятый раз сквозь пелену мутного тумана вглядываясь в характерные завитки, он начинал читать послание с начала и не мог проникнуть в его суть.

– Махтан, прочти. – он сдался и протянул листок обратно в руки помощника.

– Слушаюсь, ри. – тот протёр мокрые ресницы и начал складывать прыгающие перед лицом буквы в предложения, – "Отец, прости..."

Тем временем где-то на пути к замку Хальдад.

– Отец, прости. Прости, молю, мне мою бессердечность и гордыню. Как бы я хотел сказать об этом преклонив перед тобой колени. Жаль, что понимание того, как дороги родные люди, как ужасны могут быть упрёки, сказанные им в горячке, сколько боли могут принести необдуманнные поступки, приходит только в тот момент, когда осознаёшь, что может быть у тебя больше не будет возможности произнести покаянные слова... – молодой человек, лежавший в тихо поскрипывающей повозке скрючившись в позе зародыша и уставившись в одну точку, прокручивал в памяти строки, написанные и отправленные домой.

В этом исхудавшем теле, в лице с по-стариковски иссохшей кожей и плотно сжатыми серыми губами сложно было узнать ридгана Ронана, сына и наследника Мелькора.

Он обречён. По крайней мере Рон был в этом уверен. В последнюю вылазку они в составе отряда из десяти человек были направлены в самые глухие леса приграничной зоны, где засела группа из противоборствующей стороны и тиранизировала ближайшие поселения. Только это была их территория. Топкие вонючие болота, сонмище насекомых-кровопийц, непроходимые заросли лехандры, увивавшей тесные ряды тонких, но высоких стволов деревьев, как будто стремящихся туда, наверх вырваться из мрачного удушливого ада, глотнуть воздуха, поймать хоть малую долю солнечных лучей – обычному человеку здесь не выжить.

Однако, они и не были обычными. Они – одни из лучших.

Мелькор в своё время не жалел ни средств, ни времени на обучение Рона боевому искусству. А за годы участия в военных действиях мятежный сын ридгона дослужился до звания эренгана* и возглавлял сейчас небольшую команду отчаянных бойцов, хранимых самими богами. Свидетелями тому – многочисленные шрамы на телах сорвиголов, но сохранённые жизни.

Каннаган** Асталадо дал приказ раз и навсегда разобрататься с подобной жестокому смертоносному призраку бандой, действующей умело и хитро. Совершив набег на спящую деревню, выбранную жертвой, они тут же убирались в глухую чащу своего мрачного леса. Никто не знал, где они появятся в следующий раз.

Сколько достойных воинов полегло, пытаясь преследовать и уничтожить неуловимого врага. В этот раз решено было отправить карательный отряд в логово "зверя" для того, чтобы найти тихих убийц и истребить. Для выполнения столь сложной операции выбрали летучую десятку Рона

Главной трудностью являлось то, что в этом лесу, носившем говорящее название Проклятого, противники чувствовали себя хозяевами. Так оно и обстояло на самом деле.

Это воины из отряда Ронана были здесь чужаками. Местные жители с нашей стороны границы все поголовно и носа боялись сунуть в это гиблое место. Стать провожатым согласился лишь один человек – угрюмый дровосек из деревни Ринсвилд, похоронивший убитыми всю свою семью. Боль-

ше ему терять было нечего, а следопытом бородатый могу-чий мужик, глядевший с тех пор на мир бирюком, оказался неплохим.

Они нашли тех, кого искали. По беспечности, свойствен-ной людям, опьянённым многочисленными победами, свято верующим в собственную удачливость, враг просто не допус-кал мысли, что кто-то отважится на подобный безумный шаг – прийти с мечом к ним. И этот фактор неожиданности сыг-рал ключевую роль. Тела убитых истязателей пожрали гни-лые болота.

А потом они нашли древнее капище Хирга – самого же-стокого бога этого мира. Случайно. Просто пошли на зов тонкого, какого-то божественно-прекрасного аромата и на-бредли на странное место, самое красивое в гиблой чаще и са-мое омерзительное. В окружении нежно-зелёного кустарни-ка, усыпанного в одних местах мелкими цветами глубокого фиолетового цвета, а в других – тёмными налитыми ягода-ми, на поляне, которую вся другая растительность как будто обходила стороной, стояла невысокая статуя отвратительно-го чудовища.

В чертах лица изваяния угадывалось некое подобие чело-веческих, но это был не человек – монстр с клыкастым рази-нутым ртом-пастью, извергающими лютую злобу зрачками в проваленных глазницах...

А у ног, вывернутых по-волчьи, в землю врос прямоуголь-ный, бурый от застарелых и свежих следов крови камень с

углублением в виде чаши посередине. Здесь служили тёмные мессы. Сладкий аромат цветов дурманил голову, от мысли о том, что вытворяли со своими жертвами поганые идолопоклонники – тошнота мощной волной подступала к горлу.

– *Бежать!* – кричало всё естество Рона. Почему? Он и сам не мог объяснить, просто каждой клеткой инстинктивно чувствовал, что отсюда надо убираться.

Ещё эти проклятые цветы... Они теперь совсем не казались божественными. Густой, приторный запах уже буквально бежал по венам, убаюкивал сознание, ослаблял рассудок. Преодолевая накатившую сонливость, ридгон выбил из ладони застывшего рядом разведчика горсть упругих ягод, что тот, как и другие, собрал на подходе к поляне, а теперь продолжал сжимать в кулаке.

Подгоняя солдат, отдал приказ уходить.

Только их это уже не спасло. Из десяти человек одного тогда потеряли убитым, и ему потом позавидовали живые, ушедшие с поганого места.

Весь отряд теперь терзал страшный недуг. Внутренности жгло огнём, они не могли есть – проглоченная пища, как и вода тут же выворачивались обратно. У кого-то раньше, у кого-то позже наступало полное истощение и обезвоживание. Они умирали. Один за другим.

Никто не мог сказать, в чём причина подобного состояния. Лекарши, так и не найдя объяснения болезни, разводили руками и обвиняли во всём идола проклятого леса. Из девяти-

ти воинов осталось только двое – Рон и Сальмер – умный, крупнотелый, гибкий и ловкий, похожий на дикого гигантского кота разведчик.

Молодой ридгон, как и его товарищи – многоопытные отважные воины, не боялся самой смерти. Не желал её, не торопил, но и не трусил. Но, как любой, даже самый смелый и сильный человек, боялся неизвестного. ПрОклятое посмертие – вот что его страшило. А ещё огнём жгла мысль об обиде, причинённой отцу, и то, что не успел попросить у него прощения.

Потому, не очень надеясь доехать живым, отправил своё покаянное письмо.

*Эренган – младший офицер

**Каннаган – главнокомандующий

Глава 8

В замке Хальдад.

Как только содержание письма стало известно хозяину крепости, все живущие в ней были подняты на ноги с единственной целью – снаряжать транспорт, необходимые вещи и средства для того, чтобы отправить их навстречу обозу, ведущему в глубь страны раненых. Молодого ридгона во что бы то ни стало следовало срочно доставить в замок и обеспечить нормальным уходом.

Тяжело отцу дались вести от сына. Но Мелькор и в прошлом никогда не пасовал перед трудностями, не сдавался на волю судьбы, тем более теперь, когда стало известно, где находится Рон, не собирался хоронить его досрочно даже в мыслях и делал всё возможное, чтобы повысить шансы на его спасение.

Ульмо – замковый врач – худощавый, угловатый и очень серьёзный сорокасемилетний мужчина, сосредоточенно собирал и сортировал мешочки, коробочки и склянки с микстурами, травами и порошками, пытаясь предположить, что из его арсенала сможет понадобится для оказания помощи в дороге. На возникших сейчас возлагалась великая ответственность успеть довести его до наследника господина, а ему предстояло применить всё своё мастерство, совершить, может быть, невозможное, но сохранить жизнь Ронана по

меньшей мере до встречи с отцом.

Гонца, вымотанного не меньше, чем его конь, осыпали золотом и снова погрузили в повозку, мольбами и угрозами вынудив взять на себя роль проводника. В ночь, не дожидаясь утра, "спасательная экспедиция" выдвинулась в путь.

Пять рундин* спустя, показавшихся Мелькору равными трём прошедшим годам, его Ронан, его мальчик вернулся в родной дом. Больной, слабый, обессиленный, но живой.

Не зря старший ридгон торопил своих людей ему на помощь. У обозных врачей было слишком много забот, чтобы уделять необходимое персональное внимание каждому больному или раненому, даже если он ридгон. И тем не менее, Рону повезло дожить до приезда отцовских посланников.

Дело в том, что он ещё до прибытия семейного эскулапа понял одну полезную закономерность, позволившую ему продержаться так долго. Пища, хоть и со сбоями, но всё-таки "приживалась" в измученном желудке, если поступала очень мелкими дозами и в максимально разжиженном, расщеплённом виде.

Всё это время Ронан буквально по крупичам рассасывал то, что обозники готовили на привалах, подолгу держал под языком кусочки грубого вяленого мяса, пока оно не распалось на мягкие волокна, а потом не превращалось в безвкусную однородную кашу.

Никто не знал, сколько времени жизни добавит ему такое, язык не поворачивается сказать, питание, но сразу по приез-

де Ульмо в первую очередь заперся с главной кухаркой замка и долго наставлял на предмет индивидуального меню для наследника. Понять действительную причину его странной болезни доктор, при всём своём немалом опыте, не мог. Всё, что пока получалось – лишь облегчить страдания.

Как ни готовил себя старший ридгон к любому исходу, сколь ни было в нём мужества принимать любые удары судьбы достойно, в этот раз силы едва не покинули его, когда Ронана на руках понесли в дом. Его мальчик был жив, но жизнь эта висела на волоске – такие вещи бывалый воин видел явственно.

Острая, как халетский клинок, боль зародилась в солнечном сплетении, иглой впиалась в позвоночник, расплзлась под лопатки, но он не позволил и мышце дрогнуть на своём лице.

– Отец... – блуждающий, затуманенный обезболивающим зельем взгляд Рона искал глаза Мелькора, – Отец, хвала милостивым богам, я смогу... Прости...

– Молчи. – ридгон приподнял и обнял сына за исхудавшие плечи, от чего голова того безвольно откинулась назад. Прижал к себе и зашептал в самое ухо, – Молчи Ронан. Простил давно, ещё тогда... И ты прости. И не будем об этом. Настанет время разговоров, когда поправишься, а сейчас молчи и береги силы. Ты дома, я не позволю тебе умереть. Верь мне, сын.

Он сам не знал, откуда в нём сейчас крепла вера в соб-

ственные слова. Сердце мужчины, скованное ледяным кулаком, обливалось жгучими слезами от вида страдающего дитя. Но руки только крепче обнимали похудевшее, ставшее, казалось, по-детски хрупким тело, отдавая тепло и силу. Да он жизнь свою сейчас... Ладно. Каждый родитель знает, что он сейчас готов был заплатить любую цену за одну надежду на то, что ребёнок справится с недугом и встанет на ноги, и проживёт долгие, счастливые годы.

Только когда Рона унесли в комнату, где тут же в несколько пар рук взялись раздевать, отмывать, и создавать все прочие необходимые условия, Мелькор позволил себе упасть в кресло и обратить внимание на собственную боль. В груди сбило. Ульмо спешно пришлось перенаправить своё внимание на старшего господина. На этот раз ридгон даже не стал раздражённо отмахиваться от врача и, как обычно это делал, грозно гнать его от себя.

Ну, в случае со старшим господином доктор знал, что нужно делать. А вот что касается младшего...

Несколько дней спустя Ульмо перестал опаивать Рона на обезболивающим настоем, погружающим молодого человека в почти непрерывный сон. Сознание, наконец, начало проясняться, возвращалась чувствительность тела. Качественные условия жизни и особый режим питания по капле возвращали силы в измождённый организм.

И всё же он не разделял оптимизма отца насчёт своих перспектив.

Невозможность прояснить причины болезни и найти ей рациональное обоснование, убеждённость медиков, которым выпало его лечить, в том, что корни зла кроются в мистических сферах, наводили на мысли о том, что временное улучшение – всего лишь отсрочка. Маленький шанс успеть сделать то, что должно, прежде чем его со всей неизбежностью накроет проклятие, расправившееся с его товарищами.

Поэтому он решил, что ему сейчас важнее всего набраться сил, чтобы хоть немного ещё продержаться и исполнить волю отца. Отдать долг его дружбы и спасти репутацию ни в чём не повинной девушки, которую в противном случае ждёт весьма печальная судьба. Если все вокруг от этого станут немного счастливее – так тому и быть. Всё равно ему самому долго не протянуть.

Захочет ли невеста пойти за него – такого немощного и убогого – решать ей. Но он обязан постараться исправить то, что по его воле затянулось для обеих семей на лишний год позора.

В общем, так или иначе, уходить из этого мира Ронан твёрдо вознамерился с очищенной совестью и оплаченными долгами. О чём и заявил отцу, вызвав того к себе для откровенной беседы.

Мелькор, в свою очередь, с одной стороны, категорически не желал ничего слышать про негативные сыновние прогнозы на жизнь, и даже мыслям подобным не позволял зародиться (только, хвала Эрине, сердце в нормальном ритме за-

работало), с другой был несказанно рад тому, что наследник согласился исполнить родительский договор и рвался теперь к невесте едва ли не с тем же упорством, с каким три года назад бежал от одного упоминания о ней.

Здоровье, хоть и малюсенькими шажками, по крошечной крупинке, но возвращалось в тело сына. Пусть состояние его оставалось не самым лучшим, кожа по-прежнему не обрела свежего вида, а ноги не готовы ещё поднять своего хозяина с постели, но губы утратили пугающий пепельный оттенок, а мучительные спазмы боли стали реже. Слишком мало времени прошло, чтобы ожидать большего. Слишком мало.

Старший ридгон отмечал каждое самое незначительное изменение и теперь был почти спокоен. Дело в том, что в глубине души он уже нашёл для себя все ответы и определился с тем, во что ему следует верить или не верить.

Например, он сильно сомневался в том, что древний бог зла и ненависти действительно может забрать у него Рона. Люди давно забыли Хирга, сейчас его имя если и поминалось, то лишь как часть ругательных выражений. А боги слабеют, когда о них забывают. Какое-то одинокое капище не возродит в нём прежней мощи. И даже то, что семь человек из тех, кто оказался в том месте умерли, не убеждало его в обратном. Ронан до сих пор жив, а значит там, за пределами этого мира, у него нашлись заступники. Значит его Аурра силой материнской любви отстояла их сына у смерти. И точка.

А он уж здесь тоже постарается сделать всё, чтобы вернуть Рона в жизнь. И будет так, как он мечтал. Сын женится. Разгоняя пустоту, в замке зазвучат детские голоса, род хозяев Хальдада будет крепнуть новыми маленькими ридгонами и ридгандами. А суровый, но справедливый, счастливый дед будет всех их любить.

По его указанию, в доме начались работы по благоустройству жилых комнат, а в замок Хунгора полетел гонец с вестью о скором прибытии жениха.

*Рундина – аналог нашей недели, равна девяти дням

Глава 9

Тиннариэль

После отказа от анестезирующего зелья Эльронда я быстро убедилась, что поглощаю его зря – внутренности вернулись на свои законные места и больше особо не бунтуют. Зато я теперь взбунтовалась против бульона, как единственной альтернативы в рационе, и потребовала нормальной еды. В итоге, неделю спустя, которая здесь длилась не семь, как привыкла, а девять дней и называлась рундиной, уже чувствовала себя вполне здоровой. Точнее, сносно передвигаться на своих двоих я начала раньше, но афишировать сей факт не торопилась.

В первую очередь попросила Кору сводить меня к её маме. Флита, худошавая женщина лет тридцати пяти, тоже шла на поправку. Пока её всё ещё мучил жестокий кашель, но угрозы жизни не было. Она так искренне радовалась моему выздоровлению, так растрогалась от простого жеста благодарности и участия, что залилась горячими слезами, поминутно винясь и сокрушаясь, что никак не может приступить к своим прямым обязанностям.

Пришлось успокаивать переживательную тётку уверениями в том, что Кора справляется безукоризненно и вообще – самая лучшая помощница в мире. Флиту было так жалко, что даже возникла мысль поделиться с ней на время своим

талисманом. Но, слава богу, хватило осторожности остановить этот сердобольный порыв. Дело в том, что шерл помогает только сильным людям, слабых же напротив способен довести до ручки окончательно.

А какая она, сколько в ней характера и силы, которую, как говорится, ложкой не измерить, я не знала. В общем, чтобы ненароком не сделать хуже, рисковать не стала. Все эти "волшебные" штуки не так просты и однозначны, как кажется на первый взгляд.

Перемещаться по замку я пока решалась только в ранние утренние часы, когда, по утверждению Кору, мачеха с дочерью ещё предпочитали нежиться в постелях. Сунулась, было, за пределы своей комнаты самостоятельно, но быстро сообразила, что в одиночном плавании просто заблужусь в этих мрачных коридорах или влезу куда-нибудь не туда, выдавая раньше времени свою дееспособность.

Потому, прикинувшись немножко немощной, попросила Кору сопровождать меня под ручку, помогая, якобы, удерживать не вполне устойчивое вертикальное положение. И следующим стратегически важным пунктом ознакомительной экскурсии по замку стала библиотека отца.

Ею оказалась небольшая комната, с несколькими полками, уставленными книгами. Тонких брошюр, содержанием в несколько листов, и толстых томов ручной работы оказалось неожиданно много.

– Да тут, ей богу, по средневековым меркам, целое состо-

яние. – едва не присвистнув в полном восхищении, я один за другим брала в руки изрядно запылённые фолианты.

Похоже, здесь давно не убирались, на что я и обратила внимание Кору, неуверенно мявшейся рядом. Бардака, как такового, не наблюдалось, каждая книга совершенно определённо занимала продиктованное пока не известной мне логикой место. Но слой скопившейся пыли запросто мог спровоцировать какой-нибудь аллергический ринит.

На уютное кресло, характерно продавленное регулярной и длительной эксплуатацией, без предварительной сан обработки сесть было категорически невозможно. Про небольшой, но очень основательный стол с выдвижными ящиками вообще молчу.

– Что делать будем? – обратилась к спутнице.

– Сейчас кого-нибудь попрошу помочь. – растерянно хлопнув ресницами, та потёрла нос и смачно чихнула. (Ну вот, что говорила!)

– Ни в коем случае. – поспешно остановила её, – Тащи ведро и тряпки, сами управимся... Что? – заметив изумление, тут же нарисовавшееся на лице девчонки, спросила я – Ты разве забыла, что моё выздоровление мы с тобой пока сохраняем в большом секрете? Тебе я доверяю, а кто-нибудь другой быстро проболтается мачехе, и она снова прибежит трепать мне нервы. Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Ну, не стой столбом, Беги за уборочным инвентарём.

Сдаётся, какую-то часть слов из того, что я сказала, со-

беседница не поняла, но на этот счёт удивления не выказала. (Вы ведь помните, в замке меня считали заучкой.) Суть просьбы уловила и, молча кивнув, побежала её исполнять.

Я же тем временем с замирающим сердцем открыла первый попавшийся талмуд. Теоретически, навыки прежней владелицы тела должны были достаться и новой, то есть мне. По крайней мере, в этом мы, писатели, в своих историях, уверяем читателей. Но как там на самом деле – сейчас и проверим. Если нет – дело швах.

– Уф-ф! – не удержалась от шумного выдоха облегчения, когда глаза побежали по незнакомым на внешний вид заколючкам, которые неведомыми механизмами чужой памяти стали складываться в слова.

Теперь следующий этап. Уже почти не сомневаясь в успехе, я потянулась за другой книгой, стоявшей на отдельной полке и разительно отличавшейся от предыдущей оформлением богато украшенной кожаной обложки. Загогулины однозначно были иными – более витиеватыми, растянутыми по строчкам, но тоже преспокойно поддавались чтению.

– Отлично. Просто отлично. – удовлетворённо потирая руки, я продолжила исследовать помещение и обратила пристальное внимание на ящики стола.

На великое счастье, они оказались не заперты и хранили в своих недрах стопочки тщательно сортированных листов. В верхнем бумага не самого прекрасного образца была исписана на черновую, о чём свидетельствовали многочислен-

ные исправления, подчёркивания и перечёркивания. Нижний содержал очень аккуратно, ясно исписанные страницы отличного качества.

"История падения великой империи. Правда и ложь." – гласила крупная надпись на верхнем листе.

– Ух-ты-ы-ы! – я бережно и очень осторожно вынула довольно приличную кипу документов.

Рукопись, которая так и не успела стать полноценной книгой. Сто процентов. И писал сей труд, по всей видимости, мой отец. Больше просто некому. В черновиках и чистовике почерк одинаковый.

Впрочем, долго ковыряться и углубляться в чтение мне не позволило скорое появление Кору, вооружённой ворохом тряпья и ведром с водой. Что ж, основательно приводить в порядок книги придётся поштучно, значит позже. Заодно и разберусь, что тут в нашей сокровищнице хранится. А пока следовало навести хотя бы поверхностную уборку.

Провозились долго, оставаться в библиотеке, не рискуя выдать своё пребывание здесь, стало опасно. Пришлось спешно ретироваться. Но с собой в спальню я прихватила заветную родовую книгу, которую обнаружила, целенаправленно порыскав по полкам, пока орудовала тряпкой.

Удобно устроившись в постели так, чтобы в любую секунду при необходимости возможно было быстро спрятать документ под подушку, принялась за его изучение.

Последним по мужской линии стояло имя Кристиан. Это,

так понимаю, маленький наследник. Перед ним с датами рождения и смерти значился Хунгор, владетельный ридгон замка Хатол и земель таких-то и таких-то. Ясно, это, значит, папа.

Выше пошли многочисленные перечисления пращуров Тиннариэль. И все ридгоны и ридгонды. Других титулов не упоминалось. Но не могут же все они быть только герцогами, например, – никакой земли не напасёшься. Более детальное разделение обязательно должно иметь место быть. Но в перечне настойчиво фигурировали исключительно ридгоны. Из чего сам собой напрашивался вывод, что всё высшее дворянство в государстве называлось этим единственным словом.

Больше из этого труда никакой особо полезной информации почерпнуть не удалось.

В дальнейших изучениях содержимого библиотеки обнаружили не только книги и рукописи отца, но и письма "Дорогому другу Хунгору от Мелькора". Мысленно попросив прощения у родителя за вторжение в личное пространство, взялась внимательно изучать послания. И вот они, как раз, оказались просто кладезем нужных сведений.

Во-первых, письма давали ответ на вопрос, откуда у папы имелись все эти редкие иностранные произведения (некоторые из них на вид казались довольно древними). Вот этот Мелькор – в прошлом вояка, по просьбе батюшки тащил их из своих странствий и пересылал товарищу. А отец уже кро-

потливо изучал и на основании глубокого анализа источников и с той, и с "нашей" стороны пытался составить наиболее правдивую и достоверную версию событий исторического взаимодействия государств.

В душе невольно шевельнулось уважение к папе.

А во-вторых, в переписке имелась информация о злополучной помолвке. Этот Мелькор оказался, собственно, тем самым другом отца, с которым они и состряпали моё обручение с неведомым Ронаном – сыном и наследником почтенного ридгона. Вот за изучением этой новости и застучала меня мачеха в один из дней. Не иначе, кто-то сдал.

Глава 10

Дверь в библиотеку не просто отворилась, а распахнулась так, что шарахнулась ручкой о стенку. Мачеха, видать, так боялась не успеть поймать меня на "месте преступления", что не иначе, как бегом по лестнице бежала. Аж запыхалась, бедная. Стоит, щёки красные дует, глаза закатила, никак дыхание не восстановит после принудительной физкультуры. Нервная женщина.

Я в первую секунду тоже, было, "дёрнулась", ругая себя за то, что задержалась в библиотеке – могла бы спокойно изучать письма у себя в комнате. Но тут же успокоилась рациональной мыслью о том, что рано или поздно всё равно пришлось бы выползть на публику. Шибко долго прятаться под одеялом мне бы не дали. Так почему не сейчас? А то, что тётка явно вознамерилась поорать, так это тоже неплохо. Думаю, в спокойном состоянии она с Тиной вообще мало разговаривала. А сейчас на нерве сболтнёт мне очередную порцию-пазл информации в общую картину происходящего.

В общем, дав себе установку не заводиться, со спокойным зрительским интересом я приготовилась послушать сольное выступление разгневанной дамочки. Как там её зовут? А, да, Ниниэль. (Нини, как я её уже мысленно окрестила.) Та как раз отдышалась и набрала в лёгкие воздуха, подбирая самые

яркие эпитеты для обличительной речи.

– Так и знала, что застаю тебя здесь! – даже как-то больше удовлетворённо, чем возмущённо заявила она. И тут же в пику себе продолжила, – Хорошо ещё Арья вовремя доложила, что видела, как ты заходила сюда.

– *Ясно, всё-таки донесли, значит. Ну ладно, вычислим и возьмём эту вражину Арию "на карандаш"*.

– Весь двор пляшет вокруг "бедной девочки", а она вон что! Поглядите-ка – жива-здорова и просто бессовестно водит всех за нос. – как Нини не отравилась собственным ядом, произнося эти слова максимально противно-язвительным тоном – не знаю. Иммунитет, видать.

– *Ну с "весь двор пляшет", это ты, тётя, конечно, загнула, а вот что за нос возжу – то да, не поспоришь.* – мысленно усмехнулась я.

А она тем временем сменила позу сварливой кухарки, упершей руки в бока, на горделиво-величественную, повыше задрала подбородок и продолжила на прежних децибелах, зато с новой, на этот раз скорбно-печальной нотой в голосе:

– Как ты посмела нарушить мой запрет, Тиннариэль!

Вопрос был однозначно риторическим, поэтому я молча и со всем вниманием ждала продолжения. Интересно же, с чего Тине запретили посещать библиотеку.

– Впрочем, этого следовало ожидать. Хунгорд, упокой его душу Даркан Вершитель, избаловал тебя. И вот итог – ты

выросла невоспитанной, непослушной, своевольной, ленивой...

В этом месте я решила, что эпитетов достаточно. К тому же они просто бестолково сотрясали воздух и никак не проясняли вопроса, который меня интересовал, поэтому решила вступить в диалог.

– Я не согласна вашим решением запретить мне посещать эту комнату. Это всё – наследие отца.

Жуть, как хотелось добавить, что и завывать-то так не стоит, будто мачеха застала меня не с книжкой за столом, а в непотребной позе за неприличным занятием на сеновале с конюхом. Но не стала. Собственно, главным сдерживающим фактором послужило выражение лица Ниниэль. Кровь, резко отхлынув, выбелила кожу тётки, губы приобрели радикально синий оттенок, в общем, я уж решила всё, дамочка на грани инфаркта.

Ан нет. Оппонентка оказалась крепче, чем можно было предположить. Она заткнулась, недоверчиво покосилась в мою сторону, а потом с неё в один момент снесло всю нарочитую горделивость, и на место вернулась прежняя сварливая кухарка. Очевидно, мачеха слабо умела управлять эмоциями в нервном возбуждении, и маска величественной госпожи удавалась ей исключительно в спокойном состоянии.

– Что-о-о?! – как иерихонская труба с новой силой взывала "собеседница". – Дрянь! Как ты смеешь перечить матери?!

– Мачехе. – тихим, ровным менторским тоном зачем-то

поправила я.

Нини снова недоверчиво сморгнула, даже головой слегка тряхнула, но решила поверить в то, что моя ремарка ей по-чудилась и продолжила отповедь, на всякий случай всё же рявкнув коронное:

– Молчать!

Ну чисто прапорщик на плацу. Или кто там солдатиков "школит"? Где хвалёное дворянское воспитание? Где выдержка, манеры? При живом муже, поди, сидела тихо, как мышь под веником, и пискнуть не смела. А тут вишь, хозяйкой себя почуяла, разнуздалась, самодурища.

– Ты забыла, что покрыла наш дом несмываемым позором?! Так я напомним! – всё сильнее кочегарила эмоцию та, – Из-за тебя, негодяйка, мою Агнелис никто замуж не берёт. Кто посмотрит в сторону девочки, если её сестра – брошенная невеста?! Паршивка!

Фу. Слушать эту сапожную ругань было противно, но необходимо. Как раз подбирались к самому интересному. Хоть на первый взгляд и казалось, что мачеха в истерическом припадке валит всё на свете в одну кучу, но вполне может оказаться, что где-то в этом ворохе затерялось какое-ни-какое зерно истины.

– А всё из-за чего?! Из-за этих треклятых книжонок! Вот прознал твой женишок, что в жёны ему вместо покладистой, воспитанной и кроткой девицы, знающей своё место, подсовывают вольнодумку с головой, забитой науками, и сбежал.

Конечно, кому в доме нужна строптивница, что станет умничать, да мужу перечить?

Ну тут уж мачеха явно с красками переборщила. Даже судя по тому, как на мой единственный пока высказанный протест взвилась она сама, едва при этом не уронившись в обморок от удивления, никому-то тут Тиннариэль перечить не смела. И будь у неё действительно бойцовский характер, всякой гадостью травиться бы не стала. Может я, конечно, ещё не прочувствовала всей глубины проблемы, да и вопли мачехи воспринимаю, как нечто ко мне не относящееся, но в петлю лезть точно не собираюсь.

– Эх, найти бы этого поганца-женишка, да ноги поотрывать. Вместе с женилкой. – всё-таки начиная раскаляться, размышляла я, пока Нини продолжала фонить на заднем плане, упражняясь в бранном красноречии, – *И что, действительно повисшая в воздухе помолвка Тины так сильно мешает маман удачно пристроить свою крошку в приличные руки? И от этого весь сыр-бор? Так-то девчонка миловидная, при титуле, на предмет грамотного поведения при супруге наверняка мамой науськанная, в излишнем уме кандидатку тоже не заподозрить – идеальная невеста. Но поди-ка ж ты, сидит в девках несватаная. А матушка бесится. Вон аж Тинку своими упрёками до суицида довела. Ну не гад, а? В смысле, Ронан этот.*

И что-то прям такая злость взяла. Главным образом от того, что именно мне теперь всё это разгрести. Бежать из зам-

ка? От одних проблем к другим? Вольные хлеба для одинокой девушки в средневековье вполне легко могут обернуться опасностями похлеще, чем брызжащая слюной разъярённая мачеха. Кому об этом знать, как не мне.

В любом случае, торопиться не будем. Не всё ещё ясно с моими правами в этом доме. Какова широта власти Ниниэль над падчерицей, чем она реально может мне угрожать и что возможно ей противопоставить – вот вопросы, вставшие на первый план.

Из задумчивости вывела фраза мачехи, которую она произнесла с особой яростной ненавистью.

– Я уничтожу это всё! – шипела она, обводя книжные полки испепеляющим взором, – Сегодня же прикажу сжечь!

– Нет. – мозг ещё даже не успел внятно оформить мелькнувшую на озвученную угрозу мысль, а рот уже выговорил. Спокойно и уверенно. – Не уничтожишь.

И тут аргумент в пользу этого утверждения догнал, так, язык. Она действительно не может это сделать. По какой причине – не ясно. Но если бы имела право, давно бы спалила содержимое библиотеки к чертям собачьим.

И то, что Ниниэль не нашлась, чем возразить, и то, каким испытывающим взглядом посмотрела мне в глаза, как будто я сказала что-то, о чём не должна знать, только утвердило меня в новой догадке.

– Для тебя поблажки в этом доме закончились. – многообещающе заявила она и вышла вон.

Глава 11

На этом моя относительно спокойная жизнь действительно закончилась. И началось отчаянное противостояние. Не сказать, холодная война.

Перво-наперво, как и следовало ожидать, мачеха велела запереть библиотеку. Как только я покинула это уютное отцовское убежище, у дверей нарисовался мужик с инструментами и взялся грохотать молотком, навешивая на неё кованые петли, в которых тут же повис здоровенный амбарный замок.

Я ж потом ходила, проверила. М-м-да. Это вам не столовку монастырскую вскрыть, вынув старые гвозди из рассохшегося дерева, как сие удалось Канарейке в моей последней книжке. Свежая конструкция сидела прочно и надёжно. Чтобы снова проникнуть в библиотеку придётся придумать что-то посущественнее, чем банальный рычаг.

А попасть в неё ещё хоть разок хотелось. Дело в том, что библиотека являлась одновременно и отцовским рабочим кабинетом. Логически рассуждая, именно там должны были храниться всякие важные документы, вроде договора помолвки, бумаг, подтверждающих имущественные права, какие-нибудь родовые грамоты, возможно и завещание, которое в данный момент интересовало меня более всего.

Заветная шкатулка просто обязана была существовать. В предыдущие разы в книгохранилище ничего подобного на глаза не попало, может она и не в библиотеке вовсе, но это не точно. Детально изучить все закоулки, поискать тайные места я так и не успела.

Имелась, конечно, ещё одна версия. Более правдоподобная, но как же не хотелось, чтобы она оказалась верной. Очень может быть, что Ниниэль позаботилась о том, чтобы информация, о которой ей хотелось бы умолчать, не стала случайным образом достоянием гласности. Это значит, что искомые документы припрятаны где-нибудь в её комнате. А вот незаметно просочиться в мачехин «будуар», да ещё провести в нём детальный обыск – квест из разряда фантастических. Пожалуй, посложнее даже, чем отодрать вот эти новенькие петли голыми руками. Буду думать.

Вторым пунктом репрессивных мер со стороны Нини стал её запрет для слуг таскать еду ко мне в «номер». Так жаждет видеть падчерицу за одним столом? Переживает, что мало времени уделяет кноканью беззащитной девчонки, а она так, чего доброго, и голову поднимет? Изучила местный словарь бранных выражений и накопила новый заряд красноречия для морального истязания жертвы?

– Ну что ж, боюсь тебя огорчить, любезная мачеха, но избияния младенцев больше не будет. – чувствуя, как внутри закипает боевая злость, я наряжалась к обеду. – Сама на рожон не полезу, пока не проясню свои реальные права, однако,

и безропотной овечки здесь больше нет. Вместо неё теперь нормально пожившая тётка с давно наточенным на подобных персонажей аккуратным, но зело ядовитым зубом. Так что, бесплатная лавка для кровопийц закрыта.

Возможно, кто-то скажет, что ради осторожности следовало бы ещё какое-то время поносить овечью шкурку. Но я просто кожей чувствовала, что при всех этих демонстративно агрессивных проявлениях доминирования, Нини не так уверена, как хочет казаться. Она пасует. Хорохорится, брызжет ядом, шумит, но, как гласит народная мудрость и бытовые наблюдения, громче всех гремит пустая бочка.

Следовало немножко «прощупать дно», для чего слегка пораздражать, попровоцировать соперницу.

Для этого первого выхода к столу я натурально наряжалась. Флита и Кора, которые в этом деле мне активно помогали, только опасливо переглядывались, чувствуя мой настрой.

Изумрудное бархатное платье мягко окутало тело. Судя по тому, что его пришлось радикально стягивать шнуровкой, с добрых времён Тина заметно похудела. Ключицы вон как выпирают. Хорошо ещё острые локти прикрывают длинные рукава. Смоляные волосы легли в причёску, закреплённую симпатичным гребнем.

На старте поцеловала на удачу чёрный камень, от чего-то ставший тёплым, задрала подбородок и пошла в столовую.

Выход, хоть и без «цыганочки» удался на славу. При моём величественном (смеюсь) появлении, соболиная бровь Ни-

ни красиво изогнулась над некрасиво округлившимся оком, салфетка, которой она в данный момент манерно промокала губы, так и застыла на уровне рта. Мачехино чадо просто тарасилось на меня, забыв жевать, с откровенно дурацким видом. Недоглоданная куриная лапка вяло повисла в измазанных жиром пальцах «сестрицы».

Сделав вид, что не замечаю их реакции с самым невозможным выражением лица я подалась к столу. О-о-о! А тут было, чем поживиться. Золотистая печёная картошечка аппетитной горкой испускала пар в плоском блюде, с другого волшебным натюрмортом манил румяный окорок. И вам тут рыбка, и горы закусок, и свежайший ароматный хлеб... В общем напитки и наедки, прямо скажем, на уровне. Не то, чем меня кормили в изоляции.

И, представьте себе, все сии богатые разносолы восхитительной композицией располагались исключительно на той половине длинного стола, где устроились юная и взрослая стервы. На противоположном краю в районе единственного свободного стула, на который я, не имея иной альтернативы, и приземлилась, раскинулась девственно чистая «поляна» с сиротливой тарелкой бурой каши и стаканом воды.

Так вот оно что. А я-то думаю, на кой чёрт весь этот гастрономический беспредел, рассчитанный, как минимум, на ватагу здоровых мужиков, но накрытый всего-то ради троих девочек. Пардон, двоих. Понятно. Нини решила устроить показательное выступление из серии «кто в доме хозяин».

Сама, значит, вкусоности уплетать собралась, а попутно наслаждаться зрелищем, как я давлюсь мышшиной крупой, захлабываясь при этом голодной завистливой слюной. Вот же с-с-с... обака серая!

– *He пойдёт.* – сдерживая приступ зарождающейся ярости, я очень аккуратно отставила тарелку в сторону.

Тем временем «в зрительном зале» наметилось оживление.

– Тиннариэль, разве ты забыла, что неприлично опороченной девице выражаться столь вызывающе? – возвысив голос, наконец, произнесла маман.

– Неприлично, уважаемая матушка, при наличии вилок есть за столом руками. – с подчёркнуто ровной интонацией, парировала я, даже не глянув в сторону гадкой парочки.

Тут же стало понятно, что стрела попала в цель.

– Ну а чо?! Никто же не видит! – громким шёпотом зашипела сестрёнка, по всей вероятности, отбиваясь от маменькиного гневливого взора.

– А слово «опороченная» – излишне экспрессивно, и не вполне уместно использовано вами в контексте сложившейся ситуации. – продолжила я.

В конце концов, «заучка» я, или где? Пусть пока посидят, поскрипят извилинами, а я тем временем организую себе нормальный обед.

– Э-э... Будьте любезны, – я обратилась к девушке, прислуживающей за столом, – покормите вот этим собачку (мой

палец указал на кашку), а мне, пожалуйста, подайте чистую тарелку.

Пока мачеха в поиске смысла сказанных до этого слов застыла на своём стуле, мы с «официанткой», эффективно пользуясь повисшей паузой, всю нагроулили порцию для меня.

– Да, благодарю. И положите в неё вон тот кусочек окорока, пару картофелин... Соус? Да, пожалуй, соус будет уместен. Крылышко? Да, достаточно...

Девушка заметно нервничала и опасливо косилась на старшую хозяйку. На меня, впрочем, тоже – видать, эти мои «будьте любезны» и прочие «спасибы» выбили беднягу из колеи. Тем не менее, щипцы в её руках сноровисто соорудили в тарелке горку еды, которую тут же поставили передо мной.

– Мам, ну ты чего молчишь?! – возмущённо заканючила Агнелис, менее склонная к размышлениям, чем маман, а от того более трезво взиравшая на моё самоуправство.

Нини вышла из ступора, открыла, было, рот, но я её опередила.

– Вы настойчиво хотели разделить со мной стол, ну так делите. – отпивая морс, сменивший воду, я посмотрела на неё поверх бокала, – Приятного аппетита.

Довольно насыщенный ягодный напиток на глазах поблек в соперничестве с пунцовой краской, заливавшей разъярённое лицо мачехи.

Злость, непонимание, неверие, снова гнев и опять недоумение – я бы сказала, Нини буквально захлёбывалась в пучине противоречивых, но очень выразительных и ярких эмоций.

– Ну вот. Шок – это по-нашему. – я удовлетворённо отметила растерянность и бешенство оппонентки. – Главное только не переборщить с терапией. Провокация и так задалась на славу. Посмотрим, каков будет ответ Чемберлену.

И снова серьёзных репрессий не последовало! Никто не отобрал у меня тарелку, не стукнул по рукам или что-то ещё в этом роде. Значит что? Правильно. Нет у неё таких полномочий. И все притеснения прав Тины – беспредел и самоуправство.

Я уж почти подумала, что от новых, незнакомых впечатлений Нини совсем позабыла, что умеет ругаться и орать, но она всё-таки вспомнила. Оправдала, так сказать, репутацию.

– Тиннариэль! – злобно провожая взглядом кусок за куском, которые я методично отправляла в рот, угрожающе заговорила она, – Ты стала совершенно невозможной дрянью, и сегодня окончательно убедила меня в том, что это неисправимо. Такой отвратительный характер недопустим для девицы. Тем более в твоём положении. Волю взяла? Ничего, ещё год я тебя потерплю, а там... монастырь окоротит.

Глава 12

Вот это вот про монастырь она так уверенно сказала, что сразу как-то не по себе стало.

Не заставляя себя долго мучиться догадками, я сразу после фееричного обеда побежала прояснять сей вопрос у своих помощниц. Флита как раз наводила чистоту в моей комнате. Наводить, кстати, было особо нечего, у меня тут и так держался крепкий порядок. Скорее всего тётка просто ждала меня, чтобы узнать, как прошла встреча с мачехой. Они с Корой и так всегда искренне переживали за Тину, а в последнее время наши отношения стали ещё теплее и доверительнее.

Получить ответ на волнующий вопрос труда не составило. Я просто «наябедничала» помощнице (так ведь и не поворачивается язык назвать её служанкой), что Нини угрожает сослать меня в монастырь, и где-то между «охами» доброй женщины и «я знала, что добром это не кончится» удалось прояснить массу интересного.

По закону жанра, новостей было две – плохая и хорошая. Из плохого – маман действительно может получить право выдворить меня из дома в богадельню для несостоявшихся невест.

Это у них тут обычай такой чудесный имеется: если же-

них в течение двух лет с назначенного срока так и не объявится, а помолвка не будет расторгнута официальным путём – либо обоюдным решением двух сторон, либо по причине безвременной кончины кандидата в мужья, обручённую, но брошенную девицу можно сплавить замаливать свою, так сказать, неудачливость. А что, мол, с ней ещё делать? Кому другому замуж не отдать – по документам барышню «застолбили».

В моём случае расторгать помолвку никто, почему-то, не бежал. Ладно родной отец умер, а второй-то, который папа Ронана чего ждёт? Вот и выходит, что варианта два – либо до пенсии ждать, пока коварный обманщик помрёт (чего мачеха ни за что на свете не потерпит), либо Ниниэль на законном основании отправит меня в монастырь для непорочных брошенок.

Из двух отмерянных лет один уже прошёл, остался ещё один – это из хорошего. Утешение, конечно, так себе. Рассчитывать, что за это время с крепкой здоровьем маман приключится внезапное несчастье и она покинет этот мир не приходится. А по-другому она меня в покое не оставит. Но фора для того, чтобы поискать выход, всё-таки имеется.

– Глупость несусветная! – я раздражённо расхаживала по комнате. – Ну почему бы просто не считать договор потерявшим силу?! Так нет же, одну подписанную бумажку аннулировать может только смерть или другая бумажка.

А потом подряд начали происходить сразу несколько уди-

вительных событий.

В первую очередь нашёлся совершенно незатейливый способ попасть в библиотеку. Я о нём не знала только потому, что не являлась настоящей Тиной. Зато у меня была Флита, которая кроме моей комнаты убирала ещё и пустую отцовскую спальню.

Приняв решение действовать, ибо год – он, конечно, год, но тоже не резиновый, я спросила у неё совета, каким манером хотя бы теоретически можно попытаться заполучить ключ от папиного кабинета.

– Зачем? – она непонимающе нахмурилась и пожала плечами в ответ.

– В смысле, зачем? – тоже впала в недоумение я, теряясь, что сказать, – Чтобы... э-э-э... проникнуть внутрь и поискать документы. Я же тебе говорила, что хочу найти шкатулку и почитать папино завещание.

– Это я помню. – только рукой махнула та, – А ключ-то зачем?

– Ну так что, этот Хиргов замок пальцем что ли колу-пать? – окончательно растерялась я. Ситуация начинала натурально подбешивать.

Складывалось полное впечатление, что мы обе объясняем друг другу абсолютно очевидные вещи и при этом ни капли друг друга не понимаем.

– Да зачем вообще трогать замок... – снова спросила тётка, и мне, при всём к ней добром отношении, жгуче захо-

телось легонько стукнуть её по голове, но тут последовало продолжение... – если есть второй ход.

– Что? – ошалело выдавила я.

– Ну ход из бабушкиной комнаты в библиотеку. Он ведь его когда ещё велел для удобства проложить. Вы что, забыли? – собеседница обеспокоенно заглянула мне в глаза.

– А-а-а! Хо-о-од! – не желая вызывать в ней никаких ненужных опасений, я картинно хлопнула себя ладошкой в лоб, – Ну конечно! Дорогая моя, что бы я без тебя делала. Что-то после кхм... болезни в голове всё никак на места не разложится.

– Вот-вот! А я и смотрю, что совсем на себя не похожи стали! И взгляд другой, и речи смелые. – обнажая внутренние переживания, чуть не плача призналась она.

– Флита, милая, поверь – от последних врат вернуться и прежним остаться – невозможно. – сделав убедительное лицо и добавив голосу немного торжественного пафоса, заявила я, чтобы раз и на всегда закрыть эту скользкую тему.

– Да-а... от последних врат... – эхом протянула та, проникаясь мыслью.

Кажется, поверила.

– И мне очень нужна твоя помощь. Больше здесь опереться не на кого. – продолжила я, поймав её внимательный взгляд, – Ночью пойдём обыскивать библиотеку. Вместе.

– Да, моя ри, а Кора может посторожить и дать знать, если кто проснётся и вздумает побродить по коридорам.

Как только в замке наступила сонная тишина, затихли последние шорохи, две моих подельницы явились в комнату, и мы подались «на дело». Первой в полной темноте кралась Кора, которая знала здесь каждый закуток, каждую выбоинку в полу. Чуть отставая от юной разведчицы, освещая путь плавно покачивающейся свечой, шла её мать. Ну а я уже замыкала нашу малочисленную процессию.

В спальню отца вошли вдвоём, оставив младшего члена команды дежурить «на стрёме». Здесь Флита взяла на себя ведущую роль. На тайной двери, скрытой занавеской из тяжёлой ткани, тоже висел замок. Но помните, моя спутница регулярно протирала здесь пыль? Она знала, где лежит ключ. Впрочем, как оказалось, его особо никто и не прятал. Флита уверенной рукой просто вынула его из чаши, стоявшей в открытом доступе на тумбочке и служившей хранилищем для всяких мелочей.

Мы шагнули в тёмный проём, и вскоре меня накрыло второе шоковое открытие. Дело в том, что узкий коридорчик, ведущий из комнаты батюшки, оказался неожиданно коротким. Очень скоро мы оказались на открытом балконе замка, опоясывавшего строение по периметру внутреннего двора. Ну то есть, прямо на улице. Здесь нужно было пройти несколько метров и нырнуть в следующий лаз.

А я-то, смею напомнить, до этого случая ещё ни разу в своей новой жизни не оказывалась под открытым небом ночью. Как-то вот так сложилось. Вдохнув полной грудью про-

хладную свежесть, задрала голову вверх и едва не навернулась с балкона. Надо отметить, перильца на нём были не слишком высокими.

Вцепившись обеими руками в деревянную опору, я во все глаза таращилась на... луны. Да-да, именно так. Первой в голове вопросительным знаком вспыхнула догадка, что у меня от избытка кислорода задвоилось в глазах. Но нет. Здравый смысл подсказал, что, если бы дело было в этом, я бы видела дубль. В смысле, оба изображения были бы одинаковыми. А на меня прямо сейчас со звёздных высот изливали нежный свет две совершенно разных луны. Одна нормальная, а вторая... Значительно уступая первой в размерах, рядом с жёлтой блямбой висело зеленоватое надкушенное яблоко логотипа всем известной компании.

– Вам плохо, ри? – моя подельница уже успела сходить в нужный лаз, обнаружить, что я где-то застряла и вернуться обратно.

– Всё в порядке. – медленно сказала я, отрывая взгляд от неба, а про себя подумала, что так и до драконов рукой подать.

Страшно хотелось спросить, она тоже это видит, или у меня одной приключилась столь красочная галлюцинация, но сдержалась. Вместо этого сослалась на лёгкое головокружение, поторопила спутницу и, ещё разок мельком глянув вверх и убедившись, что видение не исчезло, поспешила за ней.

Забегая вперёд, скажу, что в шкапулку в библиотеке мы так и не нашли. Всё перерыли и простучали на предмет скрытых пустот – ноль. Зато именно здесь я обнаружила ещё одну странность.

Замерев посреди кабинета в размышлениях, куда бы ещё можно было заглянуть, я как-то неосознанно, автоматически зажала в пальцах кулон и поднесла его к губам. Камень снова был тёплым. Отвлёкшись на это странное явление, покрутила его в руке и то ли в шутку, то ли от безысходности мысленно брякнула, мол, ну что делать-то?

Ответа, естественно, не последовало. Обозвав себя дурой, шагнула к выходу, и вдруг отметила, что шерл похолодел. Вот прям резко и отчётливо. Озадачившись вопросом, как такое возможно, и что бы это значило, на всякий случай вернулась на прежнее место – талисман снова налился теплом.

Прелесть какая. Сделала движение в сторону от двери – температура сделалась ещё выше. И тут меня охватило совершенно неудержимое любопытство. Плюнув на все доводы трезвой логики и здравого рассудка, я взялась перемещаться по библиотеке с хаотичностью броуновской частицы, пока детская игра с камнем в «холодно-горячо» не привела меня к отдельной книжной полке, и глаза мои не упёрлись в томик свода государственных законов.

Хлопнув ресницами, я послушно взяла сборник в руки и только теперь сообразила:

– Ну конечно! Вместо того, чтобы тыкаться, как сле-

пой котёнок, без конца изворачиваясь в том, как прояснить у местных тот или иной юридический вопрос, каждый раз рискуя спалиться, нужно было просто найти этот полезный труд и вдумчиво изучить! В библиотеке историка он обязательно должен был иметься.

Как я об этом раньше не подумала – не знаю. Хорошо ещё, что Флита ушла посмотреть, всё ли тихо там снаружи и не видела всего этого странного действия. Впрочем, она уже как раз вернулась и поманила меня за собой.

Бесшумно следуя за провожатой, я мысленно разговаривала с талисманом. Ага, прям самым натуральным образом. В духе, «спасибо, родненький», а также «ну и чего ж ты раньше молчал?». Ответ пришёл сам собой – молчал потому, что не спрашивала.

Завещание, теперь это стало совершенно очевидно, хранится у мачехи. Сие печально, но вылазка всё равно оказалась полезной. Об этом напомнил томик, плотно зажатый в руке. И Камень, надо же... «заговорил».

Соглашаться с подобными вещами было странно и непривычно, что ли. Однако, противиться новому знанию, пусть и такому иррациональному, совсем не хотелось. Потому что с данного момента во мне поселились спокойствие и некоторая даже уверенность. И отвергать реальность помощи шерла – значило добровольно отказаться от только-только наладившегося душевного равновесия. И вообще, себе не верить.

А к обеду следующего дня прилетела просто бомбическая

НОВОСТЬ.

Глава 13

С утра ещё, как говорится, ничто не предвещало глобальных перемен.

За завтраком в очередной раз мило попрепирались с мамочкой. Я, знаете ли, с памятного обеда добросовестно выходила к трапезе, чтобы маман, не дай бог, не придумала себе, что падчерица дала слабинку и прячется от неё в своей норке. А то, чую, только дай повод, и без того нехилая корона от ложного чувства победы вовсе раздуется до невероятных размеров.

Однако, справедливости ради, следует отметить, что и соперник мне достался не из слабаков. Матушка хоть по шажку уступала, сдавала позиции, но принимать поражение и окончательно капитулировать категорически не собиралась.

В этот раз, например, её озарило, что у меня неоправданно мало заняты руки, от чего слишком перегружена голова. А значит, моё свободное время срочно необходимо заполнить активным полезным трудом. Ну, до того чтобы заставлять махать тряпкой или перебирать крупу Нини, хвала небесам и ещё не вполне, видимо, утраченному здравому рассудку, не додумалась. Зато решительно вознамерилась определить нерадивую падчерицу в белошвейки.

И не какие-нибудь шторы-простынки чинить, нет. В пол-

ный рост присоединиться к команде вышивальщиц и включиться в процесс изготовления приданного для её крошки. Вроде как в отработку упущенного своего.

Хорошая попытка снова загнать строптивую меня в стойло, но не зачёт.

С самой любезной и благожелательной улыбкой на лице я сообщила «матушке», что сама лично никому ничего не отдавала, а посему не испытываю ни малейших угрызений совести в утрате части полезного имущества, переданного родителями на сохранение в чужие руки, оказавшиеся столь ненадёжными.

Так что, ходите лесом – дышите кислородом, дорогая Нини, и пейте зелёнку – лечите нервы.

Всё это, конечно, весело. Но лишь до поры. В целом же посвятить жизнь вечным перепалкам с мачехой (это при условии, что удастся отбиться от ссылки в монастырь), в любой момент ожидая подвоха, не имея шанса расслабиться хоть на какое-то короткое время – перспектива унылая.

Вскрыть спальню Ниниэль, отыскать завещание, разузнать, что мне там причитается и требовать с мачехи? Та-ак, ну допустим. И что дальше? Придумать какое-нибудь производство? Идей, конечно, наскрести вагон и тележку можно. Но это означает, что придётся свалить с безопасного "острова" и положиться на удачу. А ну как война или какие мародёры? А я тут с условным мешком денег и без защиты.

Сперва бы разведать, что там «за периметром», каковы

общественные настроения и обстановка. Завести и заручиться поддержкой надёжных союзников. Где б их только взять, родимых? Учитывая, что жизнь протекает в условиях полной изоляции. Мамочки, что ж всё так сложно-то, а? В книжках как-то всё попроще казалось, пооптимистичнее.

– Или вообще рискнуть уйти «в зарю», прикинувшись простушкой? Угу-м. Точно. Самый быстрый и надёжный способ нарваться на крутые неприятности. – угрюмо рассуждала я, топая к обеду. *– Это уж на самый крайний случай. Пряма за пять минут до отправки в монастырь, если к тому моменту так совсем ничего и не получится решить или изменить.*

Перед дверью в столовую тяжело вздохнула, натянула на физиономию уверенную улыбку и шагнула «на татами».

Ниниэль уже сидела за столом, но что-то было не так. Вместо того, чтобы встретить меня очередной бодрящей колкостью, мачеха изучала какую-то бумагу, причём ровно с тем же безрадостным выражением лица, какое я только что стёрла со своего перед входом на вражескую территорию.

Гадая о том, что же могло ввергнуть маман в столь унылое расположение духа, прошествовала на закреплённое за мной место. Та же, дочитав послание до конца, бросила на меня совершенно странный взгляд, заявила, что нынче страдает отсутствием аппетита, велела подать ей в комнату чай и удалилась, оставив листок в девственно-чистой тарелке.

– Э-э-э... всё страньше и страньше, всё чудесатее и чу-

decatee... – мысленно цитируя классику, я проводила Нини глазами.

– Плохие новости? – обратилась к оставшейся за столом и продолжавшей активно работать челюстями сестрице.

Ну этой, понятное дело, испортить аппетит невозможно ничем.

– Женишок твой объявился. – в паузе между куриной ногой и куском жареной рыбы невозмутимо сообщила она.

– Так. Ещё раз. Кто объявился? – не сразу освоив новость, настолько она казалась невероятной, переспросила я.

– Ну этот твой... Ронан письмо прислал. Точнее, папаша его. Да на, сама глянь. – она бросила обгрызенную кость, подцепила листок и перекинула мне.

Белая бумага, исписанная ровными строчками, отмеченная свеженькими жирными отпечатками сестриных пальцев, сделала красивый пируэт в воздухе и с лёгким шорохом замерла передо мной. Как лист перед травой. Простите, нервное.

Сделала глубокий вдох, приводя себя в чувство, и принялась за чтение.

И знаете что, вот впору было бы порадоваться, что хоть угроза монастыря снимается с повестки насущных горячих проблем. Ну так, если холодно и расчётливо. Но лично я в тот самый момент чувствовала одно – как кровавой краской гнева заполняются мои глаза.

– *Ох, ты ж, блин! Погляньте-ка!* – даже не пытаюсь спра-

витья со рвущимися на волю эмоциями, скрипела зубом я, – Да неужели?! Эти милые люди, таки, в ожесточённой борьбе победили свой застарелый склероз и вспомнили о незакрытых обязательствах! Снизостили, понимаешь, до милости к бедненькой девочке и, так и быть, прутся жениться. А девочка, между прочим, пока они там год рядились, руки на себя наложил! Это вам как вообще?!

Честное пионерское, если бы душка-Ронан прямо сию секунду нарисовался на пороге замка, собственноручно бы навешала падлюке люлей, нахлобучила бы на причёску помойное ведро (Исключительно в целях надёжной защиты от ветра. А то вдруг у бедняги именно от него такой сифон в башке.) и выставила обратно, в добрый, так сказать, путь домой. А, нет, сперва бы чёртову бумажку стрясла, а потом уж и пинка для разгону.

– Ты чо, не рада? – из раздумий по теме кровожадных планов на встречу с «прекрасным принцем» неожиданно вывела удивлённая реплика Агнелис.

Честно сказать, в пылу горячего внутреннего монолога, напрочь успела забыть о её присутствии.

– Что ты, дорогая, – я ласково-ласково, кротко-кротко посмотрела на сестрёнку, – конечно рада. Ой, как я рада-а-а... Только вот не пойму никак, чего бы это маменька так огорчилась?

– Хех! – хохотнула та, – А ты догадайся. Ты ж у нас умная. На этом месте Агнелис, видимо, наконец насытилась.

Ибо, ещё раз на всякий случай окинув притязательным взором стол и плямкнув губами, всё же встала и оставила меня в гордом одиночестве.

Аппетит, не хуже мачехино, улетучился бесследно. Осушив половину графина морса, я прихватила письмо и пошла на воздух. В комнату идти не хотелось – там могли оказаться Кора или Флита, а я пока не все новые вводные освоила и не готова с кем-либо обсуждать эту внезапную, простигос-спадди, радость.

– Так, ладно. Оставим лирику. Что мы имеем? – забравшись в самую глушь сада, я уселась на заброшенную, местами капитально поросшую сизым мхом каменную скамейку, – Номер раз – жених, который гад и не нужен мне ни под каким соусом. Даже опуская сам факт того, что ходить замуж вслепую, корректно выражаясь, опрометчиво, а простым языком... – ну сами понимаете, мужик, способный так отвратительно поступать с девушкой, ещё даже не ставшей ему женой – вообще не мужик. Надёжи на такого – как на ёжа.

– Имею право отказать свину за нанесённый моральный ущерб? Имею!.. Ох, ты-ж, ё-маё! – обрывая всё внутри острым приступом паники, в голову свалилось резонное и очень неприятное сомнение, – А действительно, имею ли? Как его... Хирг разберёт эти «душевные» местные традиции! Вдруг в данном вопросе моё мнение вообще никого не интересует, и принимать решение за отсутствием живых роди-

телей будет исключительно действующий опекун, то есть зловредная мачеха? Уж она-то не упустит случая сплавить меня куда угодно, лишь бы с глаз долой, тут даже мечтать об ином нечего... И всё же, чего она тогда так скисла? – стремительно покинув не успевшую даже нагреться скамью, я со всех ног неслась в спальню, искать ответы в стыренном ночью своде законов.

Глава 14

По счастливой случайности, моя комната оказалась пуста. Выдернув из-под подушки заветный томик, плюхнулась на стул поближе к окну, к свету и принялась судорожно листать страницы.

Информация в нём хоть и была относительно систематизирована, но вот составить путнее оглавление никто не догадался. То есть это теперь придётся шерстить всё подряд, пока не натолкнусь на нужный раздел.

– Та-ак, не то, не то... титульные привилегии – любопытно, ладно, потом... земельные споры – не наш вопрос... м-м-м... порядок наследования – тоже интересно, но позже... – сделав закладку на полезной странице, я продолжила поиск.

В глазах уже отчаянно рябило, когда мои усилия, наконец, увенчались успехом. Вот тут я заставила себя дышать ровно, сконцентрировать внимание и читать медленно, вникая в каждое слово. Добрую страницу пришлось ломать ум, продираясь сквозь дебри махровой доисторической казуистики, методично излагавшей подробную схему заключения помолвок.

– А-а-а! – взвыла я, переворачивая лист и понимая, что конца-края этому нет, – Да всё понятно с тем, как эта тягомотина совершается. Вы мне скажите, как вот это заключён-

ное теперь порушить?! О! – глаза добежали до места, где говорилось про нарушения соглашений и разрешение разногласий, – Теплее... «если обязательства не исполнены в течение двух лет», бла-бла-бла... это мы уже в курсе...

– Вот! Расторжение! И-и-и... – сердце от напряжения колотилось где-то в районе тапок, – «Девушка имеет право самостоятельно принимать решение об отказе второй стороне в исполнении...» Ну-у-у! – дрожащий палец дошёл до места, пояснявшего, при каких условиях я имела (Имела!) возможность высказать своё решительное «Нет!».

Не всё просто, как хотелось бы, но тем не менее лазейка нашлась!

Чтобы никому не взрывать мозг дословным пересказом этого прекрасного текста, «переведу» своими словами. Для законного «самоотвода» воедино должны сложиться сразу три обстоятельства: совершеннолетний возраст невесты (у меня он ещё год назад наступил), веские основания для отказа (вот тут не совсем понятно, потому что неизвестно, что именно составители документа подразумевали под понятием «веские», а дать расширенное толкование не сподобились), и третье – невозможность принятия сего важного решения лицами, ПОДПИСЫВАВШИМИ ПЕРВОЕ СОГЛАШЕНИЕ.

Это я нарочно так громко выделила последние слова, чтобы было понятно, за что сочла допустимым зацепиться. Мама с папой Тины давно, простите, утратили физическую возможность принимать какие-либо решения, по крайней мере

в мире живых, а мачеха, хоть и имелась в наличии, как ответственное за меня лицо, но тот самый злосчастный договор НЕ ПОДПИСЫВАЛА.

Понятно, что эта «соломинка» – чистая формальность, недоработка составителей. Но она у меня есть! Так, что, если начнут жених с папаней артачиться, так мы их в букву закона носами и потыкаем. Культурно, конечно.

Как вариант, мачеха тоже, вероятно, в курсе существования таких неудобных для неё обстоятельств, что и могло послужить причиной её внезапного огорчения.

Впрочем, всё может оказаться совсем наоборот. Все же считают, что замужество для меня – спасение. (Вот сюрприз будет.) Значит, Ниниэль напротив печалится от того, что жених всё-таки объявился, а в порядке скрепления помолвки его семье передали лишь часть приданного. И теперь придётся проститься с оставшейся долей прописанного в документе добра (которое за прошедший год наверняка надёжно прилипло к алчным рукам Нини и стало почитаться своим кровным). А в довершение к тому, что родной дочери завещал отец.

Смею с большой долей вероятности предполагать, что любящий отец не обошёл заботой дочку в вопросе наследства. Может там не слишком много (на фоне общего семейного имущества), всё-таки главным наследником всегда является сын (это я уже успела мельком подглядеть в закладке).

Тем не менее, мачехе куда не кинь – всюду клин.

Либо я отказываюсь от помолвки, потребовав назад то, что было отдано много лет назад и тогда остаюсь в замке занозой у Ниниэль в известном месте (Страшилка с монастырём актуальность потеряла. И да, главное перед тем, как озвучивать свой отказ от брака, застаться для слабонервных приличной дозой местного валидола.), либо выхожу замуж и прихватываю с собой вышеперечисленные материальные блага.

Теперь об этих самых благах. Пора бы прояснить, о каких суммах идёт речь, навести, так сказать, ясность в вопросе.

Добровольно маман почитать завещание и соглашение с родителями Ронана не даст. Значит, будем готовить диверсию. Нужно срочно придумать, как надёжно выкурить Нини из своей комнаты, чтобы некоторое время она даже сунуться в неё желания не имела.

– *Выкурить?* – я посмаковала слово на языке, – *Выкурить! Точно!*

Богатая творческая фантазия тут же накидала несколько вариантов возможного развития событий.

Например, можно было бы устроить качественную имитацию пожара, накрутив из подручных средств дымовух и расставив их по разным углам.

– *У кого я про такое читала? А, точно, у Незабудки Марковны. Помнится, у неё главный герой в «Похождениях плута – Дариона» что-то подобное вытворил. Средневековый, да и не только, народ страсть, как боится пожаров. Наверняка все дружно побегут спасаться, вот тут в суматохе и*

можно пробраться в спальню Нини, да и пошариться там без свидетелей. А если весь кипишь замутишь ночью, так тут вообще полный аврал будет – никто на меня и внимания не обратит.

Перед глазами встала красочная картина панического хаоса, который непременно воцарится в замке на угрозу для его обитателей оказаться заживо зажаренными. Энтузиазма маленько поубавилось.

– Нет, ну я же не собираюсь натурально испепелять такое прекрасное жилище. Только видимость создать. Ну там разложить по вёдрам банальных самокруток из соломы, замотанной в мешковину, и сверху завёрнутой в бумажный лист. Глеет долго и без огня, правда дымит не слишком убедительно. В плане качественного задымления более надёжно было бы использовать селитру, смешанную с растопленным воском.

Как-то, помнится, попадался на глаза дурацкий ролик про подобный эксперимент, когда искала способы изготовления селитры в средневековых реалиях для своей героини, налаживавшей производство колбасы. Вот где эффектное было зрелище. Да только, помнится, у автора ролика к плотному потоку чада прилагался ещё и искромётный фейерверк из летящих во все стороны горящих ошмётков, а это чревато реальным пожаром. Так что нет, слишком рискованно.

– Ну так и что тогда делать? Забраться в спальню, пока мачеха трапезничает – так у неё тоже горничная име-

ется, которая в этот момент может припереться в комнату госпожи для наведения чистоты. Как ещё выдворить всех ненужных свидетелей без каких-либо фатальных последствий? Сама маман безвылазно сидит в замке, в гости ни к кому не ходит и на «распродажи» в столичные «бутики» не ездит.

И тут в голову неспешно, с большим опозданием, доплелась, наконец, гениальная, рациональная и до безобразия очевидная мысль. Точнее, вопрос: а зачем? К чему все вот эти сложности, если вскоре ожидается прибытие жениха? До этого момента всё равно придётся сидеть на попе ровно – без «вольной» мне и шагу спокойно не ступить.

А там, в процессе процедуры расторжения помолвки документ так или иначе попадёт в мои руки. Тогда же, до кучи, можно потребовать завещание – в присутствии посторонних людей маман вряд ли насмелится открыто отказать в исполнении законной просьбы. Главное проявить настойчивость.

Скорее бы уже этот Ронан изволил доставить свою драгоценную... кхм, персону к нашему двору. Ладно. Сказано – скоро будут, значит ждём.

Однако, как-то я не учла, что понятие «скоро» у этих средневековых граждан сильно отличается от наших привычных мерок. Долгожданная делегация прибыла только через полтора месяца.

Глава 15

Ну это они на своё счастье так припозднились. А может и на моё, а то ведь действительно явились бы быстро, как грозились в послании – я бы их, наверное, в самом деле с метлой в руках встречать вышла. Злость во мне ещё долго кипела. Но свадебный кортеж всё не ехал и не ехал, и острый гнев постепенно перегорал. Тем более, что лично для меня с момента получения письма наступило счастливое время покоя и благодати.

Нини сперва сказалась больной – видимо взяла паузу, чтобы собраться с мыслями. Потом в замке внезапно обозначилось заметное оживление. Вроде как подготовка к приезду дорогих гостей. Однако, верные сподвижницы – Флита и Кора, вместе и поочерёдно приносили «внутреннюю» информацию от рядовых, так сказать, тружеников замка, благодаря которой открылись некоторые дополнительные причины и обстоятельства всей этой организованной суеты. По большому счёту – ничего неожиданного – просто подтвердились мои прежние догадки.

Прикрываясь благовидным предлогом, мачеха спешно пыталась восстановить пущенное в расход приданное.

– Не поняла, в доме что, деньги закончились? – пытаюсь сообразить, в чём, собственно, здесь такая уж великая слож-

ность, решила уточнить я, – Или Ниниэль никак не решится оторвать положенную сумму от сердца?

– Так дело-то вовсе не в монетах. – возбуждённым шёпотом поясняла Флита, – Эту часть почти всю, как говорят, передали ещё тогда, когда вас с Ронаном обручали. Беда с остальным...

В общем, как выразилась моя помощница, «беда» и суть проблемы заключалась в том, что к денежной составляющей прилагалась, как её назвать... вещественная, что ли. Могла бы, кстати и сама догадаться, что складывать в качестве приданного для «невесты» пятилетнего возраста, например, платьица на вырост – затея совершенно безумная. Никто так и не поступал. Или возьмём, скажем, в той же роли благородного коня. Да за такой длительный срок, который в нашем случае должен был пройти от обручения до самой свадьбы, прекрасное животное давно бы превратилось в пожилую клячу, если бы до этого сто раз копыта не откинуло.

Ну и вот, маман с полгодика подождала явления Ронана народу, не дождалась, да и решила, чего, мол теряться. Женех пропал без вести, уведомлений о его кончине не приходит, так чего добру пропадать? И начала (сперва с малого, но чем дальше – тем смелее) отщипывать моё законное имущество в надежде на то, что через год избавится от меня, а там и отданную часть денежки с семьи «сватов» требовать можно.

Только мне бы они уже не достались – монашкам деньги

не полагаются.

А я-то всё думаю, чего это она затихарилась и даже пальцем не пошевелит, чтобы прояснить хотя бы причину неявки женишка к назначенному сроку! Сама же несудом блажила, что из-за всей этой нехорошей ситуации её дочурка в девках застряла. Кстати, сдаётся мне, брешет она на этот счёт.

Ну ладно, даже если так, логично же было бы нормальной матери засыпать «отступников слова» гневными посланиями и добиться того или иного разрешения проблемы? Так ведь нет, замышилась тихушница и ждала, когда пройдёт два года, и тогда по идиотскому закону меня – в молельщицы, сама – в шоколадах с мармеладами. Вот же гадюка! Ей-богу, Шарль Перро не «переигрывал» – знал, о чём говорил, когда писал свою «Золушку».

А тут – бац – и жених объявился! Вот же незадача. А в моих нарядах, о которых батюшка успел распорядиться до своей кончины, уже всюю щеголяет сестрица. Ношеное-то обратно в сундучок не положить. А шторы – скатёрки и прочий полезный в хозяйстве текстиль давно в активном употреблении. Мамины драгоценности – на шейке и ручках Ниинэль, но это ещё куда ни шло – снимет и положит откуда взяла.

Больше всего повеселила ситуация с конём. Точнее конями. Не поверите, отец ведь и в самом деле отрядил мне троицу каких-то шибко крутых жеребят от дивного производителя, чтобы угодить даже не Ронану, а его папе – большому

ценителю породистых лошадей. За год бы коняшки подросли в «стригунков», окрепли и можно было бы спокойно отпращивать их в новый дом на радость получателям.

Так вот за два года коники вымахали в добрых жеребцов, но поскольку коневодство Ниниэль не интересовало от слова «совсем», она решила конвертировать этих красавцев – моё, так сказать, движимое имущество – в звонкую монету. Причём, терпела долго. Продажа, по слухам, состоялась как бы ни неделю назад. И вот теперь ей предстояло прыгнуть через голову, чтобы возвратить их назад, либо найти и купить равноценных.

В общем, матушке враз стало не до меня. Она не просто оставила попытки докучать падчерице придирками и колкостями, Нини в принципе, кажется, шарахалась от меня, как чёрт от ладана, по возможности избегая любых лишних контактов.

Таким образом, между делом потихоньку обрисовалась картина с приданным. И учитывая, как струхнула мачеха, как ответственно бросилась восстанавливать разграбленное – папу Ронана она или шибко уважает, или конкретно побаивается. А значит, в части наследства тоже можно не переживать – всё соберёт и аккуратно разложит по узелкам, мешочкам и котомочкам.

Пользуясь сложившейся ситуацией, я осмелела настолько, что в один прекрасный момент за обедом предложила снять замок с библиотеки. Ну а что, попытка – не пытка. Надо от-

метить, что если матушка не трапезничала в своей комнате, то приходила раньше меня и за столом старалась не задерживаться – покер фейс держала, но еду поглощала со скоростью голодного новобранца и тут же стремилась улизнуть из моего общества. Однако, в этот раз я успела её подловить.

И что бы вы думали? Лицо Нини, конечно, накрыла тень недовольства, но с двери библиотеки в тот же день сняли оковы. Вывод напрашивался сам собой – она моя. Все эти книги – мои. Скорее всего отец понимал, что вот это наследие никому, кроме Тиннариэль не интересно и либо сгниёт и рассыплется в прах само, либо вообще будет за ненадобностью уничтожено. И оставил свою главную сокровищницу дочке. Значит верил, что Тина сбережёт его труд, а может и продолжит начатое родителем.

– *Сохраню, обещаю.* – усаживаясь в уютно продавленное кресло, я мысленно поблагодарила Хунгора – неизвестного, но очень талантливого и умного человека, достойного, на мой взгляд, самого глубокого уважения.

Ну, собственно, здесь я с большим удовольствием и пользой провела всё время ожидания жениха. Сперва, вроде, немного забеспокоилась, когда и на третий, и на четвёртый день, и спустя эту их рундину на горизонте не появились облака пыли из-под копыт коня, несущего «суженого» навстречу судьбе. Однако посмотрела вокруг – никто не волнуется, не переживает (по крайней мере именно на сей счёт) – значит всё идёт по плану, и тоже решила не паниковать.

Так что, когда делегация в составе «дорогого друга Мелькора» – папиного товарища, его безответственного сына Романа, ещё нескольких прилично одетых людей и целой бригады слуг «постучали в ворота», я была совершенно спокойна. Скорее меня одолевало любопытство, чем какие-либо иные сильные чувства.

Пока маменька из юбки выпрыгивала, встречая «любезных и таких долгожданных, таких долгожданных гостей», я из укромного уголка (коих здесь имелось в избытке), незаметно наблюдала за прибывшими. Компания, надо сказать, подобралась примечательная.

Старший ридгон оказался мужчиной видным и даже привлекательным. Высокий, статный, с благородной проседью в волнистых волосах и горделивой осанкой (а, ну конечно – это военная выправка не даёт плечам поникнуть, не смотря на годы). Нини перед ним ужом так и вьётся, да и слуги во-круг разве что не пляшут. Не признать в седовласом главного господина было просто невозможно.

– *Так, с папой понятно. А где же у нас жених? Буквально, так сказать, спаситель-благодетель.* – следуя здравой логике, глаза мои искали фигуру, подстать Мелькору, но что-то никак не находили.

Тёрся рядом с ним длинный и тощий, как шланг, парниша, весь какой-то сутулый, что тот гвоздь погнутый. Щёки впалые, не румяные, да и вообще нездорово-серое лицо молодого человека вызывало одно желание – обнять и плакать.

В неровном свете факелов из тёмных, готичных, размером в полфизиономии синяков гостя выглядывали чёрные, что мой шерл, глаза, а под ними стрелой строительного крана гордо торчал нос.

– *Не-е-т, этот точно не сынок.* – мысленно протянула я, едва удерживаясь, чтобы со словами «свят – свят» не осенить себя крестным знамением. Тут Мелькор как раз повернулся, замерев рядом с «качком», и что-то заставило меня взглянуться в него повнимательней. – *Да ну, вы что, шутите?*

Оба этих мужчины сейчас представляли собой инсталляцию скульптур под названием «Красавец и чудовище». Они были двумя противоположностями. И при этом... похожи.

– Ридгон Ронан, прошу вас располагаться на отдых с дальней дороги, Эльда проводит в комнату и поможет устроиться. – пропела Нини, и чудо в пандовых очках поклонилось и потащило свой набор костей вслед за служанкой!

– *Что-о-о?! Вот эта бледно-зелёная немочь в самом деле и есть мой жених? Обалдели что ли?! Папа, как ты мог подбросить своей Тиннариэль такую подляну?* – я едва не задохнулась от негодования, совершенно забыв, что замуж за дистрофичного крокодильчика и не собиралась.

– Вот вы где! – вездесущая Кора обнаружила меня в укрытии, – Ри Тина, идём скорей. Мы с ног сбились вас искать. Скоро торжественный обед, а вы же совершенно не готовы.

Глава 16

Пока девочки собирали меня к выходу для знакомства, я думала.

Всё. Шутки кончились, веселье тоже. Одно дело рассуждать и строить планы, совсем другое – воплотить их в жизнь. Наступило время ответственных решений и осторожных шагов. Не стоит забывать, в какой эпохе нахожусь, и каково в ней истинное положение женщины.

– Важно произвести правильное (точнее, нужное) первое впечатление и для начала внимательно понаблюдать за гостями, чтобы понять, на каком языке пойдёт разговор. Даже хорошо, что эта ответственная встреча пройдёт за столом – будет возможность мало говорить, в лучшем случае – вообще отмолчаться и спокойно сложить мнение об этих людях. – на автомате подставляя руки и поворачиваясь нужной стороной к Флите, размышляла я, краем глаза отмечая, что Ниниэль справилась с задачей пополнения моего гардероба достойными нарядами на отлично.

Бархатное платье восхитительного жемчужного оттенка с искусной серебристой вышивкой смотрелось нежно и при этом достаточно эффектно. От предложенных украшений отказалась, оставив на шее лишь бабушкин кулон. Незачем сверкать, как новогодняя ёлка, создавая иллюзию, что

страстно желаю понравиться прибывшим мужчинам. А вот с камнем, проявившим полезные мистические свойства, сейчас будет и надёжней, и спокойней.

Оглядела себя с ног до головы и осталась довольна. Флита как раз закончила с причёской. Волосы, убранные от лица мягкой волной в жгуты, на затылке укрывала тонкая изящная сетка. Достоинно и без излишеств.

– *Ну что, друг, помогай.* – поцеловав талисман перед выходом, я отправилась в торжественно наряженную залу, где по поводу столь знаменательного события накрыли праздничный обед.

Это помещение заранее отмыли и украсили к приёму долгожданных важных персон и содержали в порядке и полной боевой готовности. За то время, что прибывшие переводили дух после длительного путешествия, слугам замка оставалось лишь поставить в вазы свежие букеты и зажечь свечи, имя которым здесь было – легион. Ну и блюда к застолью, само собой, организовать.

В самом деле, без шуток, хорошо получилось. Некоторую мрачность камня и тяжёлых тёмно-бордовых штор, богато украшенных золотыми кистями, воинственность сцен и лиц, наблюдавших за присутствующими с дорогих гобеленов, мягко компенсировали живые цветы и обилие света. Его действительно было много. Видеть столько трепетных огоньков в одном месте было непривычно, но смотрелось это как-то гармонично, неназойливо и очень торжественно.

Зато вот уж кто здесь слепил глаза россыпью драгоценных камней, так это мачеха, на фоне которой я нынче выглядела более, чем скромно. С самым величественным видом она вышла ко мне навстречу, чинно взяла за руку и сопровождала к столу. Демонстрируя отточенно-блестящие манеры, Ниниэль представила «невесту» мужчинам и обратилась ко мне:

– Тиннариэль, познакомься, почтенный ридгон Мелькор, его сын, уважаемый ридгон Ронан.

К величайшему удивлению, при этих словах оба встали и учтиво поклонились.

– *Интересно, тоже, как мачеха, сейчас играют в аристократов, или действительно проявили уважение к даме?*

Не сказать, чтобы я ожидала увидеть, как гости вальяжно развалятся на стульях и без особых приглашений примутся чавкать едой, запивая её литрами вина и «полоща пальцы в соусах» – нет. Подобного впечатления оба представителя семейства не производили с самого начала. Но и такой вот особой галантности не предполагала. Насколько помнится, в эти давние времена мужчины по меньшей мере не встречали барышень стоя, предпочитая исключительно властвовать и доминировать.

С другой стороны, отец Тиннариэль с его непопулярной тягой к наукам тоже, прямо скажем, резким контрастом выделялся на фоне общей массы людей своей эпохи. Может и друг окажется ему подстать?

– *Ладно, дальше видно будет.* – я так же вежливо присела

в реверансе и заняла своё место за столом.

Вопреки опять же надуманным опасениям, обстановка за трапезой сложилась довольно спокойная и, в общем-то, приятная. Даже Агнелис воздержалась от того, чтобы хватать куски из тарелок руками и вспомнила о существовании вилок. Витала, конечно, в атмосфере некоторая тень напряжения, но не критично. Не поверите, сегодня я буквально восхищалась мачехой. Что ни говори – умела Ниниэль спрятать свою «халду» глубоко внутрь и вынуть оттуда же обаятельную, гостеприимную хозяйку.

Однако, сдаётся мне, обмануть гостей благодушным восторженным щебетом ей не удавалось. По крайней мере старшего – он точно знал, с кем имеет дело. Мелькор красиво умеренно ел, отвечал на реплики Ниниэль с вежливой и при этом странным образом естественной улыбкой, но как-то без особого вдохновения и открытости.

Затрагивать главную тему не торопились. Речи в основном пока велись ни о чём – погоде-природе и обстоятельствах дороги. А между тем почтенный ридгон временами останавливал на мне взгляд. Надо отметить, очень такой серьёзный и правильный взгляд. Без оценки физических данных – это мы, женщины, чуем сразу. Скорее всего мнение на этот счёт он успел сложить ещё в первые секунды моего появления. Он наблюдал и анализировал действия: как я ем, как двигаюсь, что вызывает мой интерес в беседе. Вот натолкнулся взглядом на одинокий камень, украшавший дели-

катное декольте и губ ридгона едва коснулась тонкая одобрительная улыбка.

Я почему так подробно о нём говорю и вообще вдумчиво приглядываюсь именно к папе, вместо того чтобы в первую очередь изучать самого претендента на руку и сердце? Потому, что решать все вопросы предстоит с ним – это его рука много лет назад оставила росчерк в договоре обручения. Ему же ставить подпись в соглашении о расторжении оного.

В какой-то момент мы с ним одновременно повернули головы и лоб в лоб столкнулись глазами. Что примечательно, Мелькор взгляда не отвёл. Ну и я не стала. Без всякого намёка на вызов или агрессию, просто смотрела, пытаюсь, что называется, заглянуть ему в душу, понять, где начинается его искренность. Несколько долгих секунд этого немого диалога «собеседник» делал ровно то же самое, а потом, вдруг, улыбнулся.

И понимаете, такой хорошей, сердечной улыбкой, что мои губы непроизвольно растянулись в ответной.

– *Мамочки, что я делаю?!* – возопил внутренний голос, призывая эмоции к порядку. И тут же пришло честное осознание...

Чёрт побери, этот человек мне нравился. И шерл на груди в тот же миг отозвался теплом.

– *Так, ничего не понимаю.* – пряча смущение в глотке морса, пыталась собраться с мыслями я, – *Почему интуиция и талисман митингуют в защиту этого мужчины, ко-*

гда здравый смысл, опираясь на факты относительно помолвки, скандирует о противоположном? Ф-ф-уф! Ладно, не станем торопиться с выводами, а пока обратим внимание на жениха.

До этого момента я за Ронаном почти не наблюдала. Как действующее лицо в предстоящей битве за свободу он большого интереса не представлял, здесь ключевую роль будет играть отец. А другие варианты я до сей поры просто не рассматривала. Единственное, что успела отметить о младшем ридгоне – он почти не ел, в беседе практически не участвовал и вообще, кажется, все его силы были направлены на то, чтобы сохранить относительно бодрое выражение лица.

К слову сказать, в нормальном освещении, без вот этих пляшущих в полумраке теней, молодой мужчина выглядел гораздо симпатичнее, чем померещилось на первый взгляд. Нет, то, что Ронан нездоров – это очевидно. Синева под глазами никуда не исчезла, болезненная худоба тела и опавшие щёки – тоже. Да и с цветом кожи явно всё не слава богу. Но нос уже не казался таким длинным, а осанка крючковатой. То ли успел немного отдохнуть, то ли в принципе в положении сидя ему было легче.

– *А ведь когда-то он был красив.* – мысленно стерев следы недуга и дорисовав объекту изучения веса и адекватных цветов, сделала вывод я, – *Даже как-то жаль парня.*

Сейчас сын ещё сильнее казался похожим на отца. Причём не столько самими чертами лица, сколько их выраже-

нием – та же складка на высоком лбу, та же мимика, изгиб улыбки, тот же спокойный, пронизательный взгляд, разве только... В глазах Мелькора не было обречённости, затаившейся во взоре Ронана. И как ни старался он спрятать это чувство от постороннего внимания, получалось не очень – такие вещи осязаются кожей.

Я ещё раз прислушалась к внутреннему голосу и была вынуждена признать, что на отъявленного подлеца молодой человек не тянет. Тогда что? Что послужило причиной такого, по меньшей мере, странного поведения этой семьи?

– Дорогая Ниниэль, благодарю за тёплый приём и щедрый стол. – как будто подслушав мои мысли, заговорил Мелькор, – Я думаю, пришло время объясниться.

Глава 17

– Вот это да! – в очередной раз поразила я, – Значит подробности всё-таки будут. И обратите внимание, какова сама постановка вопроса – объяснить! Это обнадеживает.

То, что невесту, условно говоря, с разбегу не потащили под венец, а сочли необходимым для начала посвятить в обстоятельства случившейся некрасивой задержки, вызвало новый прилив симпатии к гостям.

И знаете что, донести эту информацию собирались в первую очередь именно до меня. Потому что дальше произошли события, заставившие мачеху основательно занервничать.

Та, было, совсем уже приготовилась внимательно послушать речь почтенного ридгона, и тут...

– Прошу прощения, уважаемая Ниниэль, но мы бы хотели побеседовать с Тиннариэль в кабинете Хунгора. Это возможно?

Судя по тому, как Мелькор уверенно поднялся из-за стола, возражений он даже не ждал. Их, собственно, и не последовало. Мачеха, растерянно рассыпаясь в уверениях, что никаких препятствий к исполнению воли и пожеланий любезных гостей конечно же нет, едва сама не бросилась сопровождать нас в означенное помещение. Но вовремя вспомни-

ла, что она аристократка и подала знак служанке.

Впрочем, в провожатых нужды не было – старший ридгон, судя по всему, прекрасно помнил, где находится библиотека его друга, хоть и не был в этом замке уже довольно давно. Оставив Нини изнывать от недоумения и любопытства, терзаясь догадками, почему её в таком важном вопросе столь откровенно обошли вниманием, Мелькор вышел первым, за ним я, а заключительным звеном встал Ронан.

Я, честно сказать, удивилась подобному повороту не меньше маменьки. Пока шли по коридорам и поднимались по лестнице, представилось, вдруг, как она там сейчас крестится левой пяткой, воздавая хвалу богам, что так вовремя согласилась хотя бы снять замок с дверей, а то бы совсем неловко вышло.

Отец Ронана медленно вошёл в библиотеку и замер возле стола, легонько коснулся пальцами спинки кресла. Вдохнул запах книг и прикрыл глаза – он как будто здоровался сейчас со своим старинным другом. Мы с младшим его не торопили. Напротив, хотелось дать ему это время для светлых воспоминаний и просто наблюдать, как спокойно опускаются могучие плечи мужчины, расслабляется лицо, и с каждым вздохом всё ровнее поднимается грудь.

– Надеюсь, вас не слишком огорчило то, что я решил вести этот разговор без участия Ниниэль? – поворачиваясь и обращаясь ко мне, наконец, заговорил он.

Очевидно, на моём лице так явственно нарисовались об-

легчение и благодарность, что собеседники просто не могли их не заметить.

– Так я и думал. – кивнул головой старший, – Ещё за столом мне показалось, что вы с женой Хунгора слишком разные, чтобы легко находить общий язык. Тем более, что её присутствие и не обязательно. Вы – дочь своего отца и его гордость. Если кто-то из людей и вызывал у него самое безграничное восхищение, так это его Тиннариэль. В вас он видел своё продолжение, и я верю, что он не ошибся. Из писем друга я знаю, что Хунгор очень много времени посвящал вашему образованию. А посему, смею предположить, что вам уже известно многое. Например то, что, следуя закону, со смерти родителей и наступления совершеннолетия, решения о своей судьбе принимаете вы. По крайней мере в части составленного много лет назад договора.

– *Как, всё-таки, хорошо, что я (спасибо талисману) нашла этот свод законов и потрудилась его изучить.* – похвалила себя, кивком соглашаясь с Мелькором.

– И имеете право нам отказать... – глядя мне прямо в глаза, заявил он.

Как обухом по голове, честное слово! Вообще-то, это я должна была сказать.

– Потому, что для того накопился ряд серьёзных оснований.

– *У-х-ху-у!* – изо всех сил стараясь удержать нейтральное выражение лица, я пыталась собрать мысли в кучу, – *Да,*

накопился. Да, хочу... Хотела... не знаю! Где у этого мира кнопка? Поставьте, пожалуйста, кто-нибудь, на паузу!

Беседа пошла совершенно не в том русле, в каком предполагалось. Вот прям совсем. Точнее, в том, но не с того края... А-а-ай, ну вы, уверена, поняли, что я имела ввиду.

– Ронан болен, и это не имеет смысла отрицать. Одного данного обстоятельства достаточно, чтобы требовать разрыва помолвки. Что вы ответите? – голос Мелькора звучал ровно и бесстрастно, но глаза... они просто застыли, остекленели. Как будто от моих слов сейчас зависело всё – обрушится небо над его головой, или нет.

Рука сама легла на талисман, и, вдруг, наступило спокойствие.

– Я отвечу, что для начала хочу выслушать ответы на свои вопросы. И думаю, вы знаете, о чём пойдёт речь.

– Благодарю вас. – зрачки ридгона оттаяли, наверное, от того в глазах отца блеснула влага, – Я не ошибся в дочери Хунгора – самого мудрого, сердечного и справедливого человека, которого знал в своей жизни.

– Отец. За свои поступки я буду держать ответ сам. – неожиданно, но очень решительно в наш диалог вступил Ронан.

До этого момента жених в разговоре не участвовал – так, очевидно, порядок процедур. Он тоже, вроде как, переживал, однако, всё равно, лично у меня складывалось впечатление, что папа желает этой свадьбы несколько сильнее

сына. Ну что ж, посмотрим, может я ошибалась? Но в целом, нежелание сваливать свою вину и ответственность за «расхлёбывание» последствий неверных поступков на кого-то другого – черта похвальная.

– Поговорите, дети. – верно поняв посыл наследника, старший ридгон направился к двери, – А я прослежу, чтобы вам не помешали.

Ну вот, ещё одна внезапность. А что, так можно? Как-то не думала, что прямо сразу останусь с этим парнем наедине. С Мелькором было самую малость спокойнее – кажется, его характер я уже немного поняла и разобралась, как строить общение. А вот сын себя ещё совсем мало проявил. Ну ладно, чего причитать – выбора всё равно нет, папа уже за дверью – не бежать же следом с воплями протеста. Да и шерл «молчит», чего тогда я распереживалась?

– Ридганда Тиннариэль, прошу, присаживайтесь, беседа вряд ли получится короткой – слишком многое потребуется объяснить. – Ронан почувствовал моё напряжение и поспешил его ослабить.

– *А действительно, чего мы стоим?* – только сейчас обратив внимание на сей факт и чувствуя, что ногам уже действительно требуется отдых, я села в отцовское кресло и указала собеседнику на стул.

– Не знаю, с чего начать, поэтому прошу вас задавать вопросы и обещаю ответить на них открыто и честно. – с самым серьёзным лицом сообщил молодой человек.

– Я могу спрашивать прямо? – на всякий случай уточнила я.

– Буду признателен за прямоту, так мы сможем избежать неверных толкований.

– *Ого, молодец.* – мысленно одобрила смелость «подсудимого», – Тогда расскажите, почему вы тянули с визитом целый лишний год?

– Я не хотел вас неволить. – просто ответил он, и я, простите, от этого заявления буквально впала в ступор. Уши просто отказывались передавать трансляцию мозгу.

Не знаю, каким было выражение моего лица, но жених спешно взялся развивать – пояснять высказанную мысль, опасаясь, видимо, что я или готовлюсь хлопнуться в обморок, или сочла его идиотом.

– Дело в том, что я всегда считал подобного рода помолвки насилием. Неправильно это всё – решать судьбы детей даже не предполагая, кем они вырастут, не оставляя им права выбора. Вы меня понимаете?

– Да-а-а. – медленно выговорила я, надеясь, что всё верно расслышала и он действительно это говорит.

– Так вот. – чуть приободрился собеседник, – На этой почве у нас с отцом возникло разногласие. Спор. А если быть совсем правдивым – ссора. Вы не подумайте, я не хотел жениться не именно на вас – не в том дело. Просто не желал, чтобы всё решалось таким варвар... , простите, способом.

– Варварским. – договорила за него я, а про себя подума-

ла, – *Парень, если ты вот это всё сейчас серьёзно, так мы с тобой быстро общий язык найдём.*

– Да.

Так, всё это жуть, как благородно, радостно слышать, полностью солидарна, всячески поддерживаю... кроме одного, так сказать, наболевшего:

– Ну тогда объясните мне, по какой причине вы просто не приехали вовремя и не решили вопрос законно?

– После ссоры я уехал из дома и несколько лет провёл в военном легионе на границе с Мархаратом. – снова погрузнев, ответил он.

– И не думал о том, какая судьба после этого постигнет меня?

– Я надеялся, что отец разорвёт помолвку. – мрачней ещё больше, признался он.

– А отец?

– А он надеялся, что я одумаюсь и вернусь.

– *Отлично! Прекрасно! Просто прелесть!* – едва сдерживаясь от того, чтобы не высказать своего «восторга» вслух, я поднялась из кресла и подошла к окну.

– Понимаю ваше негодование... – донеслось из-за спины.

– Нет, вы не понимаете, – накаляясь, заговорила я, – вы не понимаете, каково жить, зная, что тебя отправят в монастырь, считая и прощаясь с каждым уходящим днём свободы.

– Простите меня... – как-то странно прошипел Ронан, и я

поняла, что с ним что-то неладно.

Обернувшись, увидела, как он, скорчившись на стуле, снова зеленеет на глазах.

– Вам плохо? – обеспокоенно шагнула к парню, – Что? Что надо сделать? Ну, говори!

Не добившись быстрого ответа, я пулей вылетела в коридор, призывая на помощь всех, до кого могла докричаться.

Глава 18

Шуму наделала – мама дорогая. Зато на выручку моментально набежала толпа народу. И те, кто действительно мог помочь, и просто команда зевак-болельщиков.

Ронана быстро переместили в выделенную ему комнату, куда тут же призвали врача, который прибыл в составе делегации для постоянного контроля за состоянием здоровья наследника. Наш старичок тоже предложил свою помощь и присоединился к консилиуму. Эльронд и Ульмо (так звали домашнего доктора ридгонов) уединились с больным и из-за закрытой двери только раздавались указания, чего им необходимо доставить.

– Довела парня до ручки?! – ругала себя, не зная, куда прийтись и чем помочь.

Я действительно сильно испугалась и распереживалась. Это, поверьте, ужасно страшно, когда на твоих глазах человек начинает так внезапно и стремительно угасать. Особенно если не знаешь причин происходящего.

А тут ещё Ниниэль со своими расспросами, опасениями и обвинениями. У этой с перепугу вообще всё в одну кучу смешалось: и что он мне сказал, и что я с ним сотворила, и что теперь будет, если в её доме помрёт сын самого Мелькора.

Отмахнувшись от носящей тётки фразой, вроде: «Подите

в сад, без вас тошно», сама побежала искать старшего ридгона, чтобы что?.. Не знаю, извиниться, прояснить, что вообще происходит.

В спальне отца, куда его поселили, Мелькора не оказалось. К сыну тоже не пустили. И вообще никто не знал, куда он делся. Оставалось одно средство поиска – кулон. Я очень рассчитывала, что он сработает так же, как тогда в библиотеке. Надежда оправдалась – шерл снова отозвался и привёл меня назад в ту же библиотеку.

Ридгон сидел за столом, уперев лоб в ладони и погрузив пальцы в седые пряди волос. Когда я вошла, он даже не шевельнулся. Потоптавшись на месте, тихонько пошла к нему.

– Это я виновата? – сердце болезненно сжалось при виде отчаяния отца, – Это всё из-за меня?

– Нет, что ты, девочка. – он поднял на меня красные, полные муки глаза.

– Тогда что? – часто моргая, чтобы смахнуть застилавшую взгляд пелену, я села на стул и взяла его руку в свои.

Все наши разногласия вместе с этикетками разом отошли куда-то на задний план. Передо мной сейчас сидел просто несчастный человек, которому очень хотелось помочь – если не реально полезным действием, так хотя бы участием.

– Ты теперь точно откажешься от брака... – вместо ответа, почти шёпотом обречённо сказал Мелькор, – И будешь в своём праве.

– Он умирает? – вопрос страшно было произнести, но я

должна знать правду.

– Не знаю, Тина. Он считает, что да, я надеялся, что всё образуется. Ронан привёз эту болезнь из своих странствий, и никто не может определить её причину. Сперва сын был совсем плох, но потом ему стало лучше, и я поверил, что мы сможем справиться с недугом. И послал вам письмо. Месяц спустя с того времени, когда он вернулся, мой мальчик смог встать на ноги, мы отправились в путь. Но в дороге ему снова стало хуже. Франга Ульмо понял, что не сумел излечить Ронана – все его усилия способны принести лишь временное облегчение. А потом болезнь снова возвращается. Так произошло и сегодня.

Ридгон обхватил второй ладонью мои, продолжавшие сжимать его руку и опустил на них голову.

– Не знаю, на что надеялся. Я должен был повернуть назад, но это означало бы снова обмануть твои ожидания. Мы так виноваты перед тобой...

Его слова были столь искренни, а беда горькой, и мужество... Не знаю, чего стоило этому мужчине рассказать эту правду, виниться перед девчонкой и принимать её участие. Мне кажется, что он сейчас видел во мне Хунгора, крупницу своего друга, которому всегда можно было довериться. И которого он подвёл...

Да, всё получилось глупо и некрасиво. Но мотивацию и одного, и другого можно было понять. Как бы там ни было, я... Да я уже простила им обоим всё на свете, честное слово.

Оставалось несколько насущных вопросов. В первую очередь, я так и не понимала, почему Мелькор продолжает отчаянно желать этой свадьбы. Ведь очевидно, что внуков, в свете сложившихся обстоятельств, он вряд ли получит. Обязательство перед моим отцом и мной самой он уже почти исполнил – всё легко разрешить расторжением договора. Зачем ему я – посторонняя девчонка, без шансов принести законных наследников?

Этот вопрос всё-таки был озвучен, и на лице Мелькора обозначилась слабая тень улыбки.

– Как будто сам Хунгор сидит передо мной. – заговорил он. Тина – ты повторение своего отца. Такая же пронизательная, прямая, честная и искренняя. Именно поэтому я хочу, чтобы хозяйкой моего острова стала ты.

– Но ваши родственники?

– Мне всё равно, что подумают мои родственники. Как ни горько это говорить, но следует смотреть правде в глаза. Положение Ронана неопределённое, да и я не вечен. Если законно не передам Хальдад в твои руки, «наследники» раздерут его на части. А это мой дом.

– Так оставьте кому-то одному из них. – не унималась я в своих логических рассуждениях.

– Нет! – категорично отрезал ридгон, – Среди них нет того, кому я смог бы доверить наше родовое гнездо. А ты, уверен, сможешь сохранить и сделать его ещё сильнее и краше. Тина, ты – моя последняя надежда потому, что вместе с луч-

шими чертами характера Хунгора, ты унаследовала его ум. – он немного помолчал и добавил, – Но неволить тебя не смею.

Эх, знал бы ты, дорогой человек, как ошибаешься. Ничего-то я не унаследовала, всё, что имеется – с собой принесла. И в управлении замками – ни в зуб ногой. Даже попаданки мои, как на грех, ни одна в таких обстоятельствах не пожила. Но расстраивать дядьку дальше своими сомнениями не хотелось.

– Не знаю, что сказать прямо сейчас, но обещаю хорошо подумать прежде, чем дать вам ответ. – чтобы немного успокоить Мелькора и получить время на раздумье, честно призналась я, и переключилась на другую тему, – Давайте пока лучше думать о более важном и срочном – как помочь Ронану. Вы же не собираетесь принимать поражение и сдаваться на милость судьбы?

Пойду на этот брак, или нет – не знаю, но вот того, чтобы этот парень действительно загнулся, я точно не хотела.

– Не собираюсь. Но совершенно не представляю, что ещё можно предпринять. Мы перепробовали все известные средства.

– Та-а-ак, значит следует обратиться к началу. Давайте разбираться. Как, говорите, Ронан заработал свою болезнь?

– Он сам не понял, но случилось это в Проклятом лесу на границе с Мархаратом. Там они набрали на капище Хирга, многие склоняются к тому, что в недуге виновато проклятие этого чёрного места и его хозяина.

– М-м-м... – нахмурилась я, – А вы?

– Я не хочу в это верить.

– Вот и я полагаю, что стоит поискать более правдоподобную причину хвори.

– Из десяти человек выжило только двое. Второго родители тоже успели довести до дома, мы поддерживаем связь, но они, тоже не нашли средства излечить сына.

– *Плохо.* – про себя рассуждала я, – *Очень нехорошо. Мархарат... Мархарат...* – и тут, как обычно – внезапно, снизошло озарение, – Мархарат! – в голос воскликнула я, – Ну конечно же...

– Что? – Мелькор непонимающе уставился на меня.

– Ну ведь граница, восток! Тьфу... ну она самая – иноземная территория! Так может и болезнь не «наша»?!

– Нам тоже приходила эта мысль, но ни один франга не сумел подобрать к ней ключ.

– Во-от, а у отца здесь точно есть книга по их медицине, я отлично помню, что она попадалась мне на глаза! Может ответ найдётся в ней?

– Тина, ты возвращаешь мне надежду. – лицо отца осветила уже немного более уверенная улыбка, а я, «слушая» тепло камня, без колебаний направилась к нужной полке.

Надо сказать, с талисманом за последнее время мы научились значительно легче понимать друг друга. Как будто подстроились, срослись энергией, что ли. Ну ладно, это так, отступление. Нужный том уже лежал в моих руках, и тут я

столкнулась с новой трудностью.

Язык иноземцев я знала – буквы складывались в слова без проблем, беда в другом – я не понимала значения половины этих слов. Терминология «зарубежной» медицины, как, собственно, и местной, была мне не известна.

– Так, не паникуем, выход обязательно найдётся. Может почитать этот труд нашим медикам – они сообразят, о чём речь? Ну там по описанию симптомов сумеем сориентироваться? А пока... – я возбуждённо расхаживала по кабинету...

– Пока может стоит нарядить Ронана в мой кулон? – смутно ощутив небольшой дискомфорт, мешавший думать, я продолжала мерить библиотеку шагами, – *А вдруг наврежу? Страшно!* – дискомфорт стал сильнее, но я старалась не обращать ни на что внимания, чтобы не упустить нить размышлений, – *Может быть попытаться и понаблюдать? Так-то парень на слабака не похож. А если всё-таки наметится ухудшение – снять?..*

– Да что, чёрт побери, происходит?! -я, как вкопанная, застыла в центре комнаты, не в силах больше терпеть уже даже не лёгкое неудобство, а настоящую боль.

Шерл! Камень не просто нагрелся, а буквально раскалился, отвечая на мои мысли. Он мне – «да», а я – «нет», он мне ещё громче «да!», я в ответ своё «может быть», он уже просто кричит «да-да-да!», а я, дурында, не слышу – вот и вскипел до лёгкого ожога на коже. Только похвалилась, как

мы с ним чудесно ладим, и на тебе, не ко времени «оглохла».

– *Всё-всё, я тебя поняла.* – успокаивая разбушевавшегося соратника-советника, я думала теперь только об одном – как прорваться к Ронану через бронестойкий докторский заслон.

Глава 19

Ну с тем, чтобы пробиться к больному всё, как раз оказалось не так уж и сложно. Я просто не знала до сей поры, как умеет давить авторитетом Мелькор.

Стоило мне пойти на маленькую хитрость и сообщить ему, что кулон-оберег Хунгор раздобыл вместе с медицинским справочником, а камень непростой и мало, что прекрасно помогает оздоровлению – проверено опытом, так ещё и с тех самых Мархаратских земель, ридгон тут же не меньше моего уверовал в то, что от него будет польза и отправился решать проблему сам.

На слабые попытки медикусов сохранить карантинные условия для наследника и не пустить к нему посетителей, папа шарахнул кулаком по столу и разъярённым быком навис над «прижавшими уши» эскулапами, вставшими в данный момент преградой на пути выздоровления сына.

Под давлением обстоятельств непреодолимой силы (А угрозы от ридгона Мелькора это, знаете ли, те ещё обстоятельства – совершенно непреодолимые. Уверяю, сама слегка присела, когда услышала его гневный рык) Эльронду и Ульмо пришлось подчиниться. Ну а после того, как я сообщила им про идею проштудировать справочник, меня и вовсе приняли в медицинскую бригаду – переводчиком.

Более серьёзной проблемой оказалось натянуть на болез-

ного кулон! Сперва он впал в депрессию от того, что я вообще увидела его в таком разобранном виде – беспомощного, прикованного к больничной койке. Затем категорически отказался надевать на себя мой шерл – ему, видите ли, претит сама мысль нарядить себя в дамское украшение. И аргумент, что в его положении любые средства хороши – не аргумент. Глядите, какой самец! Альфа! С Центаврой.

– *Какого дьявола я вообще попёрлась к нему сама?! – задним числом ругала себя за поспешность в действиях, – Надо было просто вручить талисман лекарям. Из их рук этот чахлый, но оч-чень воинствующий сексист всё бы спокойно принял, как лекарство.*

Но мы с ридгоном так вдохновились надеждой, так ломились в больничную палату, что теперь уже всё, поздно пить боржоми – я стою посреди комнаты с шерлом в руках.

– Так, всё. Исчерпалась. Простите, что расстроила своим визитом, больше не побеспокою. – раздражённо заговорила я, собираясь на выход. И вот ещё что... – это уже для Ульммо, – Убедите, пожалуйста, вашего пациента всё-таки использовать эту вещь, когда к нему вернётся способность рассуждать трезво.

Но как только я протянула ладонь к доктору, мой шерл опять взбунтовался! Только теперь уже холодом.

– *Да что ж такое?! Это как понимать? Как ультиматум? Мол, другой человек для пользы дела может получить тебя исключительно из моих рук?* – прикрыв глаза, чтобы

никто не видел, куда они закатились, и медленно выдыхая через нос, так как стиснутые зубы не желали разжиматься, спросила я. И камень радостно ответил согласием.

– Прекрасно! И что прикажете делать? Связать артачливого больного и лечить насильно? – молчание.

Ясно. Думать самой.

– Бабуль, а не ты ли там с небес со мной разговариваешь? Вот прям в твоём духе – вводные обозначить, а дальше оставить самостоятельно искать решения. – не к месту отвлеклась я на неожиданную мысль.

– Ридганда Тиннариэль... – донеслось с кровати.

– Да? – не оборачиваясь отреагировала я.

– Приношу свои извинения за резкость высказываний.

– Кулон наденете?

– ...

– Так, уважаемые коллеги, попрошу всех на выход. – решила я, выпроваживая растерявшихся от такого самоуправства Айболитов. – Уверяю вас, ридгон Мелькор будет не против. – чуть намекнула на главную страшилку дня, и обоих моментально сдуло ветром.

Ронан приподнялся в подушках и озадаченно наблюдал за моими действиями.

– Теперь с вами. С чего начнём? – я на секунду задумалась, – С начала. Вот вы взрослый человек, и даже показались мне весьма разумным. Ваши прогрессивные рассуждения тронули меня до глубины души. Объясните истинную

причину такого отчаянного и нелогичного сопротивления.

– Ридганда Тиннариэль, вы не понимаете, мужчине неловко представлять в таком виде перед...

– Да поняла уже, поняла, что сглупила! – досадливо поморщилась я, – Мы с вашим отцом слишком торопились помочь, и... ну в общем вот так получилось. Приношу свои искренние извинения. Честное слово, неловко вышло... Но и вы поймите, всё уже произошло. Я уже всё увидела, причём ещё там, в библиотеке. Давайте, наконец, оставим неуместные экивоки, и вы позволите мне оказать помощь.

– Ридганда Тиннариэль...

– Бо-о-оже, как ты ещё язык не сломал выговаривать эту абракадабру? – тихо взывала я, потому что даже уши уже опухли слушать этот «трг-дын», – Простите. – взяла себя в руки, – Я имела ввиду, что можно просто Тина и без ридганды. Хотя бы без свидетелей.

– Рон.

– Что? А... Договорились. Что вы хотели сказать?

– Оказывать помощь – это мужская обязанность.

– *Да чтоб тебя с твоею правильностью!* – вздохнула я, устало присаживаясь на стул возле кровати.

Нет, подобные рыцарские взгляды на роли мужчины и женщины безусловно достойны уважения и всяческой похвалы. Но, граждане, не до такой же степени максимализма!

– Рон, все люди – в первую очередь человеки. И должны друг другу помогать. – уже совсем спокойно заговорила я, –

Вот эту дырку тебе кто штопал? – мой палец указал на шрам на руке, выглядывавший из-под задравшегося рукава его рубахи. – Что, рядом ни одной санитарки не оказалось?

– Так то ж война. – пожал плечами собеседник, – Там все женщины – ...

– Кто? Соратницы? Друзья?

– Да. – тоже спокойно, внимательно глядя в мои глаза ответил он.

– Ну вот. У нас тут тоже, прямо скажем, ситуация не рядовая. Много нерешённых вопросов, которые непонятно, как решать... – я снова вздохнула, – У меня предложение. Давай для начала хотя бы просто станем друзьями?

Ронан продолжал смотреть мне в глаза, а его бледные губы медленно разъезжались в улыбке.

– Ну что, дружба? – я протянула руку.

– Теперь понимаю, почему отец так настаивал на свадьбе именно с вами. – он ответил рукопожатием, – Дружба. – и вдруг легонько поцеловал мои пальцы.

– Э-э-м-м... – ну ладно, леди я или где? – всё-таки смутившись, подумала про себя, а вслух решительно продолжила «наступление», – Амулет мерять будем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.